

Эпилог к концу света

Автор:

[Дарья Кузнецова](#)

Эпилог к концу света

Дарья Андреевна Кузнецова

Стеваль Жгущая – маг крови с тяжелым характером, отчего и страдает. Сначала её отослали подальше от родных лесов в составе исследовательской миссии, потом местные дикари украли, а потом такое началось – только успевай удивляться!

Но Стеваль не пропадёт: она способна постоять за себя даже там, где это не нужно. И дикарям поможет, и тайну древней катастрофы, изменившей этот мир, разгадает, и домой вернётся – в идеале. Только одна проблема не поддаётся решению: Чингар, вождь инчиров, который выводит из себя одним своим видом и явно задался целью поломать все планы...

Дарья Кузнецова

Эпилог к концу света

© Дарья Кузнецова, 2023

Глава 1

«Если утро начинается со ржания пары молодых ослов, страшно предположить, чем закончится день», – думая так или почти так, я, на ходу затягивая шнурком косу, беззвучно покинула шатёр, чтобы оценить обстановку снаружи. Я даже представить не могла, что с утра пораньше могло вызвать подобный приглушённо-глумливый хохот этих молодчиков, но понимала: ничего хорошего.

Тонкое полотнище палатки защищало от дождя и ветра, а вот звуки как будто даже усиливало, так что привлёкшие моё внимание весельчаки вполне могли находиться достаточно далеко. Это, прямо скажем, было в их интересах, потому что дурачиться рядом с моим шатром могут только смертники. Особенно если веселье связано со мной или моими вещами: вся команда знает, что Стеваль Жгущая шуток в свой адрес не понимает и быстро напоминает незадачливым весельчакам, почему она гораздо шире известна как Стерва Злющая. Да и вообще, ссориться с единственным целителем в команде – идиотов нет.

Как оказалось, желание жить пара матросов утратила не до конца. За моим «домом» они только прятались, и то лишь потому, что располагался он на краю лагеря, а объект наблюдения находился за пределами последнего. Глянув поверх голов парней, я увидела на поляне аборигена, который пытался собирать не то ягоды, не то какие-то травы.

Местные мужчины вообще не отличаются крепким телосложением, особенно в сравнении со своими крупными женщинами, полногрудыми и широкобёдрыми; они, высокие и тонкие, похожие на вешалки, кажутся забавными и нелепыми. Но что поделать, у аборигенов явный матриархат, женщины крупнее и сильнее, выполняют всю тяжёлую работу – обрабатывают землю, выделывают кожу, – а мужчин довольно мало, и они на подхвате. На наш взгляд, конечно, выглядит дико, но они-то так привыкли.

Объектом веселья матросов был совсем ещё мальчишка, худенький и невысокий, с всклокоченными, коротко остриженными чёрными волосами – видимо, длинные гривы полагались только взрослым. И вот этот долговязый сверчок, состоящий из одних конечностей, двигался как пьяный: то и дело падал, спотыкаясь на ровном месте, тыкался носом в траву, и каждое такое движение сопровождалось взрывом хохота притаившейся парочки.

Приглядевшись, я обнаружила и причину неуклюжести мальчишки: травинки будто сами собой сплетались, ставя ему подножки или дёргая за длинную бахрому штанов, а потом распрямлялись и невинно покачивались под

налетающим с моря ветерком.

Сами собой, ну да.

Я отошла на шаг, оценив композицию. Весельчаки выглядывали на разных уровнях: один согнулся ниже, придерживаясь за край шатра, второй – стоял позади и вытягивал шею, тоже инстинктивно наклонившись и оттопырив зад для равновесия; выглядело заманчиво. Уши обоих возбуждённо подрагивали.

Конечно, проигнорировать предложенную мишень я не сумела, и тяжёлая кованая подмётка сапога впечаталась в филей со смачным шлепком, придав ускорения. Вскрикнув от неожиданности, один осёл повалился вперёд, погребая под собой сообщника.

– Да я тебе клинок сейчас в за... – Взбешённая жертва моего сапога, перекатившись по земле, подскочила, красноречиво придерживая место удара, и осеклась на полуслове. Лицо его вытянулось и слегка побледнело.

– Ордиэль и Абсерваль, кто бы сомневался, – нараспев проговорила я, хотя личности весельчаков не вызывали сомнений изначально: в команде полсотни голов, а таких обиженных умом всего двое. – Значит, развлекаемся?

– Стеваль, ну мы же ничего такого... – виновато заблеял мелко трясущийся Абель.

Зелёна мать, ну какой всё же трус!

Впрочем, оба хороши. Корабль нагрузили ими, кажется, с единственной целью: хоть на короткое время избавить родные леса от этого позора, сопроводив сие действие благородной формулировкой «чтобы возмужали и набрались мудрости в полном опасностей странствии». Вопрос, чем провинились все остальные члены экипажа, конечно, остался без ответа.

Как, впрочем, и в случае со мной, но я хоть пользу приношу.

– Скучаем, значит? – продолжила я прежним сладким голосом и потянула из ножен клинок. – Ну так я сейчас развеселю. Оружие к бою, помёт Бездны!

– Стеваль, но мы безоружны! – поддержал приятеля Одэль.

– Это ваши проблемы! С ребёнком справились? Молодцы! – похвалила я, доставая одного из балбесов клинком плашмя. Теперь за задницу держались оба. – Самое время подобрать противника посложнее и показать свою мощь женщине. Ну же, дохлятина, вы же сильные маги, травой повелеваете!

Гоняла я их долго. Нет, взмолились о пощаде шутники сразу, следом попытались сопротивляться пассивно, то есть сжавшись на траве. Но благословлённая Алой Девой сталь и сдобренные моей руганью пинки неизменно оказывали бодрящее действие.

Прекратил потеху, как ему и положено, капитан. Видимо, он с утра пораньше зачем-то поднимался на корабль, поэтому начало веселья пропустил. А вот потом, привлечённый хохотом и подначками (эта парочка утомила своей дуростью всю команду), обнаружил добрую треть подчинённых на той самой поляне, где местный мальчишка, утёкший в самом начале воспитательной акции, занимался собирательством. Оставшаяся часть команды, очевидно, занималась чем-то полезным в других местах.

– Сталь, можно отвлечь тебя на минуту? – окликнул капитан. Явно нехотя: Лераль, конечно, мужик что надо, чистого металла, но даже он бы с большим удовольствием понаблюдал за показательной поркой. Однако он потому и капитан, что умеет наступать на горло собственным желанием.

– Мази не дам, – предупредила я охающую парочку, которая, потирая синяки, предсказуемо поспешила удрать. Вложив клинок в ножны, я подошла к капитану. – Ты по делу или порядка для?

– И то и другое, – он улыбнулся уголками губ и жестом предложил пройтись.

И внешностью, и характером Лераль – буквально эталон иналя, сына лесного народа. С красивым породистым лицом и зелёными глазами, высокий – аж на ладонь выше меня, – жилистый, очень сильный и быстрый, в поединке он делает меня минуты за две, иногда за пять. Но такому не стыдно проигрывать, Леля я уважаю вполне искренне: он твёрд, благороден, смел, умён и обладает потрясающей выдержкой. Да ещё холостой. В него влюблено почти всё женское население столицы за редким исключением вроде меня. Собственно, именно

поэтому мы с ним давние, но эпизодические любовники: он знает, что я не потащу его к жрецам и горяча не только на расправу, а я знаю, что он умеет сделать женщине приятно и держать язык за зубами.

- Для начала скажи, что они опять натворили? - уточнил капитан.

- Ничего такого, над мальчишкой-дикарём издевались. Нет, не подумай, без особой жестокости, просто из травы подножки ставили. Но они так заразительно ржали у моего шатра, что я решила поддержать веселье, - вкратце пояснила я. - Что там произошло помимо этого?

- Собственно, речь всё о тех же дикарях, - посерьёзnel мужчина и нервно дёрнул ухом. - Меня настораживает их поведение. Вчера всё было спокойно, а сегодня - они явно собираются сняться с места, и собираются, мне кажется, весьма поспешно.

- Ну не так уж поспешно, - возразила я. - Они ведь вчера закончили сбор урожая.

- Если бы они бросили своё хозяйство, мы бы с тобой разговаривали не здесь, а на корабле, - парировал Лель. - А сейчас они не бегут, они организованно отступают.

- Погоди, и правда! Они же вроде какой-то праздник готовили, - сообразила я. - Передумали?

- Попробуй выяснить, - попросил мужчина. - Может, они хоть тебе объяснят, потому что больше никто ничего не понял. Вестников с приказом возвращаться я в любом случае разослал всем группам, лучше перестраховаться, но и уточнить масштабы проблем нелишне. Сделаешь? Ты этих дикарей лучше всех понимаешь.

- Я не назвала бы это пониманием, но - попробую, - нехотя согласилась я. Тащиться по солнцепёку к дикарям, да ещё до завтрака, не хотелось совершенно, но... не могу отказать, когда вежливо просят. Воспитание, будь оно неладно.

– Спасибо, – улыбнулся Лель, сжав моё плечо. – Я понимаю, что это вообще не относится к твоим обязанностям, только...

– Не умеешь ты подлизываться, – хмыкнула я. – С тебя массаж вечером.

– Уже готовлю мирровое масло, – заверил капитан вкрадчивым, многозначительным тоном, а я, окинув его взглядом, выразительно облизнулась.

На том и разошлись, довольные друг другом: я к дикарям, он обратно в лагерь.

В небольшой компании, плывущей на одном корабле, а потом обитающей в одном лагере, сложно соблюсти тайну встреч, болтовня же не нужна ни мне, ни капитану. И ситуация получилась буквально басенная: вожаемая цель рядом, манит, дразнится, даже потрогать можно, а вот получить – ни-ни. Конечно, побыстрому где-нибудь в укромном углу успеть всегда можно, но зачем? Не так уж сильно допекает отсутствие интима, чай не подростки.

Не знаю, как Лераль собирался устраивать приятный вечер на двоих, но слово он держит всегда, а с мыслями о приятном определённо легче идти. И я уверенно шагала прочь от побережья.

Злые воды – океан, раскинувшийся к югу от Семилесья, давно будоражил мятущиеся души. Ходили легенды о том, что за пеленой жестоких штормов и силовых бурь лежат неизведанные земли. Не очередной из множества островов, разбросанных вокруг принадлежащих нам земель, не ненасытные льды Севера, от чьего наступления нас оберегают Скрепы, а ещё одна настоящая суша. Большинство легенд сходились на том, что земля эта мёртвая, проклятая, что когда-то мы жили именно там, но потом случилась беда и те, кто не успел спастись бегством, погибли. И силовые бури, дескать, тоже отголоски той катастрофы. Но когда подобные сказки останавливали любопытных?

К сожалению, лебедями летать над облаками дети леса пока не научились, поэтому путь пытались преодолеть по морю. То отдельные романтики, то авантюристы всех мастей, то снаряжённые богатыми энтузиастами экспедиции. Если кто и достигал дальних земель, то не возвращался. А тем, кто уверял, что бывал, гулял или вообще каждый год туда отдыхать выбирается, обычно рекомендовали завязывать с вытяжками и настойками. Конечно, нет такого растения в лесу, которое могло бы убить иналя, но надо же знать меру и беречь

данные природой мозги!

Возвращаясь же к экспедиции, я, честно говоря, не знаю, почему этот вопрос встал именно сейчас, да ещё на совете Верховных, да ещё с таким результатом. Не интересовалась. Политика – это вообще последнее, что волнует меня в жизни. Наверное, это не самая умная тактика, ибо великим умам наплевать, помнишь ты об их существовании или нет, главное, они о тебе не забывают. И вот я, неожиданно для себя самой, получила лестное предложение, отказ от которого сулил неприятности.

Если бы я следила за общественной жизнью, эта новость не стала бы сюрпризом или вообще могла меня не найти – уж спрятаться с моими талантами нетрудно. Но застали меня врасплох, дома, и отпираться было бессмысленно. Как результат – две луны безобразной болтанки между небом и водой, а потом мы нашли её. Землю.

Измученные дорогой, живописный зелёный бережок мы готовы были обнять и расцеловать, всей командой высыпавшись через остолдевший корабельный борт и воссоединившись с сушей после короткого заплыва. Но этот разврат, конечно же, пресёк в самом зародыше Лераль. Капитан построил всех по ранжиру, раздал оплеухи и указания, и высадка прошла аккуратно, чётко и не сразу. Сначала разведка и оценка полученных сведений, потом ещё разведка, потом ещё немного разведки и напряжённой мыслительной деятельности, и только на пятый день на рейде осторожный Лель разрешил перебраться на берег. И что-то мне подсказывало, сделал он это не из уверенности в безопасности места, а из понимания, что вопрос скоро встанет ребром: или мы разобьём лагерь, или лицо капитану.

Нет, я конечно утрирую. Лераль хороший командир, его слушаются, и никто бы без его разрешения ничего не сделал. Да и сами мы (во всяком случае, большинство) понимали, что осторожность оправданна. Но эти четверо суток в виду берега были самой тяжёлой частью дороги.

На аборигенов мы наткнулись совершенно случайно, а если точнее, то они на нас. Морской берег – скалы, поросшие невысокими кривыми деревцами, пахучим низким кустарником и незнакомым разнотравьем – их не интересовал, жили они в глубине суши, у одной из множества мелких местных речушек. Нашёл нас кто-то из детишек, причём дозорные их засекли, но что-то предпринять не успели – мелюзга быстро сбежала за подмогой.

А потом разбираться, что случилось, пришли женщины, причём безоружные. И замечательно, что именно они: на появление вооружённых аборигенов мы могли отреагировать совсем не так дружелюбно. Не со зла, а просто от страха и напряжения. Для нас живописный берег и пасторальные холмы уже были откровением и большим сюрпризом, ожидали-то пустыню, а уж явление разумных обитателей – тем более неожиданность.

Что особенно поразило, местные жители, при кардинальных внешних отличиях, очень похожи на нас энергетически. Словно кто-то из богов решил подурочиться, взял и создал иналеи наоборот – больших и тёмных.

Тёмные волосы, тёмные глаза, кожа – смуглая с лёгким зеленоватым оттенком. Непривычные лица – широкие, грубоватые. Уши ощутимо меньше наших. Но самое главное отличие – это, конечно, телосложение местных женщин. Они такие... очень выраженные женщины, вызвавшие у всей команды сильную растерянность эстетического свойства. То есть вроде бы мужчины изголодались по изящному обществу и с удовольствием бы познакомились поближе, но только в теории и не с этими «красотками».

Инали такими не бывают. Наши женщины гибкие, изящные, с небольшой грудью, так что девушке в свободной одежде легко выдать себя за юношу. А эти – мало того, что весьма рослые, так что я со своими внушительными габаритами среди них выделялась разве что тщедушностью, так ещё не обхватишь в некоторых местах: талия узкая, а вот выше и ниже – уже как две меня. Так что даже попыток излишне близкого знакомства не случилось, и это прекрасно: неизвестно, как бы они отреагировали на притязания.

За прошедшие с высадки и знакомства пол-луны мы друг к другу привыкли. Общаться с нами местные не рвались: единожды убедившись в мирных намерениях и с интересом рассмотрев, они ушли и стали относиться к нам как к бесполезному предмету мебели, который жалко выбросить. То есть игнорировали. Не прогоняли, на попытки заговорить – пытались ответить, но более активного интереса не проявляли.

Наибольшую симпатию у них вызывала я. Меня привечали, мне улыбались, угощали ароматным взваром из каких-то местных трав и ягод. И единственная видимая причина такого особенного отношения заключалась в том, что я женщина. То ли разговаривать с мужчинами местным казалось ниже их

достоинства, то ли не рекомендовалось по каким-то другим причинам. Во всяком случае, собеседницы уверяли, что я особенная в сравнении со всеми остальными, а вот насколько и в чём и, главное, хорошо это или плохо – я не понимала.

И в этом была главная проблема: речь местных тоже казалась вывернутой наизнанку. Мы говорим певуче, мягко, они – гортанно, с подрыкиванием. Некоторые слова казались смутно знакомыми, но скорее именно казались. В остальном же преимущество перед остальными сородичами мне давала собственная сила.

Это своеобразный побочный эффект у чрезвычайно опытного мага крови, знающего своё ремесло на уровне рефлекса. Я могу чувствовать кровь собеседника, его настрой, его желания и стремления. Это не чтение мыслей, а скорее дополнение к мимике. Чутьё не абсолютно, его легко обмануть, оно бесполезно в нормальной жизни, но вот именно сейчас оказалось кстати, позволяло интуитивно понимать аборигенов. Потому Лераль и попросил меня попытаться счастья теперь. Хотя, надо думать, и сам не верил в успех.

Путь к жилищам аборигенов лежал сначала по скалистому берегу, в рябой тени деревьев с мелкими жёсткими листочками, а потом под палящим солнцем через пологие холмы, заросшие злючей колючкой – серебристой, с иголками в полпальца длиной. Именно эта часть дороги объясняла сильное нежелание прямо сейчас исполнять просьбу Лералья. Солнце жгло уже сейчас, утром, а обратный путь меня ждал в самую жару! Но что уж там, обещала.

До чего же паршивый климат. Если бы не было прибрежной полосы с деревьями и буйной зелени в поймах рек, я бы легко согласилась, что легенды не врут и это действительно проклятая мёртвая земля.

Пока шла, прислушивалась к окружающему миру, пытаюсь угадать, что спугнуло аборигенов и подвигло их покинуть обжитые места. Скорее от безделья, чем всерьёз надеясь что-то учуять: своеобразная сущность моей магии накладывает отпечаток, природу я слышу с трудом, гораздо хуже, чем прочие инали. Причём даже дома, где каждый кустик давно знаком, а уж здесь... Если ничего не заметил Лель и остальные, то мне тем более не светит. Но надо же хоть чем-то скоротать дорогу!

Отмахав половину пути, я начала понимать, что здорово поторопилась: было плохой идеей отправиться в путь налегке, стоило прихватить как минимум флягу воды и бутерброды. Но поворачивать назад уже не хотелось. Оставалось надеяться, что местные ещё не уехали, и тосковать о лошадях: верхом эта прогулка стала бы куда занимательней.

В конце концов холмы сменились квадратиками убранных полей, разделённых узкими полосами оросительных каналов, или, скорее, канав. Нам сразу показалось странным, что при таком основательном подходе к земледелию местные не строят постоянных прочных домов, живут в шатрах. И именно эта странность до сих пор не давала расслабиться и заставляла Лералю внимательно наблюдать за поведением аборигенов: просто так никто обжитые места не оставляет, должна быть веская причина. С которой мы, надо думать, скоро встретимся. Хорошо, если просто испортится погода; а если нет?

Идти по полю было ещё противнее. Это, конечно, не свежая пашня, в которой вязнешь, как в болоте, но сухая пыль, поднятая сапогами, забивалась всюду, особенно в нос, что не добавляло хорошего настроения.

К деревне я вышла уже ближе к полудню в самом скверном расположении духа. Точнее, к тому месту, где ещё недавно располагалась деревня: сейчас на плотно утоптанном пяточке стояла пара десятков огромных телег под пёстрыми парусами полотнищ, натянутых на высокие дуги и создающих этакие шатры на колёсах. Аборигены помоложе заканчивали погрузку – сноровисто и деловито, явно выполняя привычную работу, – и запрягали своих странных тягловых зверей, флегматичных и тяжёлых, похожих на помесь быка и ящерицы. Чуть в стороне несколько всадников сгоняли стадо; под седло у местных шли зверушки, отдалённо похожие на гужевых, только заметно меньше и изящней, ближе к лошадям. В этом деле им помогала стая чешуекотов, как метко окрестил этих зверей один из наших: крупных, с жеребёнка, молчаливых и умных хищников, заменявших аборигенам собак.

Здесь вообще вся одомашненная живность, оставаясь при этом теплокровными, имела странные шкуры – частью чешуйчатые вроде змеиных, а частью привычно меховые. Притом на свободе водилось совершенно обычное зверьё, почти не отличающееся от привычного. И это была ещё одна большая странность в общую копилку, которая порождала очередной вопрос без ответа: откуда пришли эти аборигены со своей живностью, если её родня тут определённо не водится?

А ещё интересно, где они берут весьма недурственную сталь и другие кованные изделия попроще, если у них даже своего кузнеца нет.

Я направилась к группе самых старших женщин: от всех прочих их отличали пепельно-серые волосы и жутковато жёлтые глаза. Впрочем, отличие это могло объясняться множеством иных причин, но тут я полагалась на чутьё, утверждавшее, что дело именно в возрасте.

Пятеро матриархов сидели на расстеленном ковре в тени повозки, кружком, рядом несли караул три чешуекота, развалившиеся в обманчиво расслабленных позах. Одна из женщин, которая была в деревне за главную и которую вроде бы звали Траган (если это было имя, а не должность или что-то ещё), курила длинную, причудливо изогнутую трубку, остальные пили что-то из небольших глиняных мисок. Аборигенам такая посуда заменяла и тарелки, и кружки.

Моё появление встретили улыбками и приветствиями – для этого надо было сложить руки на груди, ладонь на ладонь, и склонить голову. Я ответила тем же, и женщина с трубкой жестом предложила мне сесть рядом. Разумеется, я тут же плюхнулась на ковёр и жестами изобразила, что пью, вопросительно глядя на Траган.

Они обменялись взглядами и репликами, и вскоре мне вручили не только миску с душистым травяным отваром, но и – чудесные женщины! – дежурный перекус: лепёшку, в которую было завернуто мясо, сыр и какая-то зелень.

Жизнь сразу показалась куда более приятной штукой, чем представлялось минуту назад. Осушив разом половину чашки, я торопливо зажевала это лепёшкой и только потом принялась за исполнение поручения: попыталась выяснить, что сгоняло с места собеседниц.

Большого, чем Лель и остальные, я в итоге не добилась. Единственное, что сумела уяснить, относились женщины к явлению, сгонявшему их сейчас с насиженного места, с лёгкой досадой и недовольством.словно отплытие корабля из-за грядущего шторма перенесли на другое время: жизнь продолжается, ничего по-настоящему страшного не происходит, но приходится менять планы, и в общем очень неприятное чувство.

Я ещё продолжала говорить, жестикулировать и пытаться по лицам женщин прочесть ответ, но уже настроена была встать и распрощаться, пожелав хорошей дороги, с тем чтобы вернуться к капитану и успокоить его. Оставалось только заставить себя действительно подняться, выбравшись под палящее солнце.

И вот в тот момент, когда я уже начала подниматься, Траган жутко и резко, чужим низким голосом, на вдохе рявкнула что-то вроде «кай!» и выдохнула густой сизый дым мне в лицо. Щупальца его вытянулись, за какое-то мгновение спеленали меня, не давая шевельнуться, закрыли лицо. Некоторое время я, упав навзничь, боролась, не понимая толком с чем именно. А потом, уже теряя сознание от недостатка воздуха, сделала глубокий судорожный вдох – и растворилась в темноте.

Последним, что я видела, была удовлетворённая, ласковая улыбка Траган на фоне блёкло-голубого неба.

* * *

«Убью Найва. Опять влил в вино какую-то свою экспериментальную микстуру», – это была первая связная мысль, которую породило моё сознание. Ничем иным, кроме опытов приятеля-алхимика, объяснить собственное состояние не получилось: только после них мне было так паршиво.

Во рту сухо и явно кто-то сдох, давно. В голове – сборище безумных барабанщиков, которые стучат все сразу, но в разном ритме, порой промахиваются и попадают по моему черепу. Тело ломит так, словно его спустили с лестницы, причём в Доме Совета и с самого верха, пересчитав моими рёбрами ступеньки. И всё меньше хочется вспоминать, что вчера было после этой леданутой вытяжки. Ясно же, ничего хорошего!

В этот момент мою голову кто-то заботливо приподнял и приложил к губам ёмкость с прохладной водой. Неужели сама светлоликая Небесная Дева, милосердная и благо несущая, снизошла до непутёвой лесной дочери?

Несколько захлёбывающихся, жадных глотков смыли привкус мусорной кучи во рту, прокатились по горлу. Мою голову столь же аккуратно положили обратно, и

в ней начало потихоньку светлеть.

Для начала я вспомнила, что разгульные и бесшабашные годы ученичества миновали уже очень, очень давно, Найваля с его микстурами я с тех пор не видела, и вообще-то давно уже взрослая умная женщина, которая такой ледью не мается. Правда, на этом мысль на некоторое время остановилась, потому что других версий, объяснявших столь удручающее состояние, не было.

Может, я заболела какой-нибудь специфической уникальной дрянью, которая поражает магов крови, и лежу в лазарете? Ну просто потому, что другая дрянь нас не трогает, а если мне кто-то помогает – скорее всего, я не дома, потому что живу одна.

За последнюю мысль я уцепилась и через несколько секунд вытащила из памяти по цепочке события – плаванье, аборигенов, задание Леля. И ту переваренную Бездной дрянь, которая со мной что-то сделала.

Щурясь на яркий свет, я попыталась сесть, заодно обнаружив, что лежу на каком-то ковре. Вокруг стояло несколько пар ног, и, похоже, именно речь их обладателей отдавалась в моей голове барабанным боем: я по-прежнему не понимала слов, а голоса были низкие, рокошующие, вот и сливались в одно.

Поднималась я не просто для осмотра местности. Сквозь мутную пелену тяжёлого похмелья пока пробилось единственное чувство, жгучая ярость. И мне нужен был нож, который неизменно находился в засапожных ножнах, чтобы показать этим Бездной траченным дикарям ледяную бурю в летний полдень и сотворение мира в лицах. Ту часть, где боги лили свою кровь в океанские воды и из неё рождалась суша.

Порыв остановила сила тяжести и нарушенная неизвестным зельем координация, я рухнула на бок и душевно приложилась головой, отчего в ней опять потемнело.

На этот раз ненадолго. Повторно я очнулась в прежней позе и месте, лёжа на спине. Рокот барабанов стал сильнее и громче, но и сознание прояснилось достаточно, чтобы сообразить: перед совершением правосудия и мести нужно привести себя в порядок и разобраться в происходящем. Так что в этот раз я не стала куда-то рваться и пороть горячку, а первым делом потянулась к

собственной силе. К счастью, мага крови сложно отравить и почти невозможно – насмерть. Сила пробудилась от пинка, кровь стала очищаться, и вскоре я пришла в себя до такой степени, чтобы суметь сесть и осмотреться.

– Зелёна мать! – хрипло каркнула я, разглядывая... нечто, за которое сразу зацепился взгляд. Да там и остался, перескакивая с детали на деталь и пытаюсь как-то собрать всё это в единый образ.

Несколько секунд в моей посвежевшей голове толпились только междометия пополам с ругательствами.

Нечто определённо было мужчиной примерно в той же степени, в какой местные женщины были женщинами. То есть этого мужчины было много, по-настоящему много. Навскидку он был на голову выше меня и по меньшей мере раза в три массивнее.

Руки – как мои ноги, широченные плечи, сплошь покрытые затейливым чёрным рисунком. Узор спускался на мощные плиты грудных мышц, сходился к висающим на груди незатейливым бусам, составленным из клыков внушающего трепет размера. Безоговорочно верилось, что добыл трофеи этот тип самолично, причём голыми руками и самым зверским способом, выдирая наживую у бедных безобидных зверушек.

Одет мужчина был в одни только дикарские штаны с бахромой, которые удерживал на сравнительно узкой талии широкий кожаный пояс. На плечах и запястьях – кожаные же браслеты, сплетённые из шнурков, которые дополнительно подчёркивали и рельеф мышц, и узор выступающих вен, и чёрный рисунок на зеленовато-бронзовой коже. Чёрные длинные волосы свободно спадали на спину, только от висков на грудь сбегали две тонкие косицы, перемотанные шнурками и украшенные перьями. Лоб пересекала широкая полоса, не то расписанная, не то вышитая геометрическими узорами. А лицо...

На лицо, пожалуй, лучше было и не смотреть: грубое, словно высеченное из камня, жутковатое, особенно выражением. Вот это огромное... мужчина явно был зол. Очень зол. И взгляд светлых, по-звериному жёлтых глаз не сулил ничего хорошего.

Я будто бы от страха подтянула к животу ноги, обхватив колени.

Громила пророкотал ещё что-то, причём я готова была поклясться, что поняла слово «женщина» и говорил он обо мне, только не ко мне обращался. В ответ прозвучал явно виноватый голос Траган, сидевшей на коленях рядом со мной – именно она, кажется, придерживала меня за плечо. Но в сторону этой дряни я не смотрела: если выживу, я ей всё припомню. Выжить бы.

Незнакомец наклонился, сгрёб меня за шиворот и потянул, поднимая на ноги. Пальцем подцепил подбородок, вынуждая запрокинуть голову, приблизил лицо к моему. Острый треугольный коготь впился в нежную кожу, заставив судорожно сглотнуть. Да что ж это за зверюга-то такая? У женщин подобных «украшений» на пальцах нет!

Вблизи мужчина производил ещё более угрожающее впечатление. Густые тёмные брови сурово хмурились, а взгляд норовил прожечь дырку в моём черепе. Ноздри хищно раздувались, словно он принюхивался.

Зараза. Я бы посмотрела, чем от него пахло бы сначала после прогулки под палящим солнцем, а потом ещё неизвестно какой дороги в непонятных условиях.

Он опять что-то пророкотал, а я, гневно прижимая уши, процедила сквозь зубы:

– Руки убрал, урод.

Кончик ножа, незаметно вынутого из сапога, уткнулся ему в живот, слегка царапая кожу.

В остроте лезвия и собственной решимости я не сомневалась, а вот в здравомыслии здоровяка – очень даже, потому что отреагировал он странно. Слегка качнулся вперёд, едва не накаляваясь на нож и одновременно вынуждая меня уцепиться за первую попавшуюся опору, которой оказался мужской пояс. Оружие я отдёрнула рефлекторно, от неожиданности, но всё равно всей своей сутью почувствовала пролитую кровь.

На короткое мгновение стало по-настоящему страшно. Подумалось, что этот гигант легко, без колебаний может свернуть мне шею, я же со своим ножом вряд

ли сумею причинить ему какой-то вред. Для моей магии требуется время, это же не пламя боевиков, а в остальном – слишком неравны силы. Да и оружие остальное у меня забрали, оставив только вот этот нож. И с тем же успехом можно тыкать эту тушу столовой вилкой, он разве что почешется в ответ.

– Шайса, – проговорил дикарь, вдруг оскалившись в улыбке.

Именно оскалившись – уж очень острые у него оказались клыки. И я нутром ощутила: этим словом назвали меня.

– Сам ты помёт Бездны, – ответила зло.

Страх никогда не добавлял мне терпения и дружелюбия. Я обычно, наоборот, начинаю лезть на рожон.

И в следующее мгновение, когда я уже собралась воткнуть нож ему в живот, а дальше – катись всё в Бездну, гигант разжал руки и отстранился, вновь обращаясь к Траган. Только теперь он не ругался, а отдавал какие-то указания.

Когда опора в лице здоровяка исчезла, я пошатнулась от слабости, но устояла. Страх и ярость немного отступили, давая возможность оглядеться внимательней и всё тщательно взвесить.

Местность вокруг изменилась настолько, что, судя по ней, без сознания я пролежала по меньшей мере пол-луны непрерывной дороги. Стало заметно прохладней, скалы под ногами изменились до неузнаваемости, а редкий лес, росший на них, состоял из куда более высоких деревьев совсем другой породы, нежели на берегу. В прогалинах между деревьями, вдали, виднелись достаточно близкие треугольные зубцы гор. Да и народу вокруг оказалось гораздо больше, чем обитало в деревне. И глядя на этот народ, я отчётливо понимала, что выводы об устройстве местного общества были... преждевременными.

Судя по тому, что я видела теперь, в деревне по какой-то причине жили лишь женщины и дети. Именно детей, подростков, мы приняли за мужчин, а мужчины – вот они, пожалуйста. В сравнении с ними даже дикарки кажутся миниатюрными, а я – так и вовсе прутиком против дуба. Где только они раньше прятались, да ещё в таком количестве?

В нашу сторону косились, даже откровенно глазели – среди местных я сильно выделялась, как тут не заинтересоваться неведомым зверьком. Но пока не подходили, и это было кстати. И нож не отнимали. И связать не пытались. И здоровяк куда-то ушёл, что добавило спокойствия и уверенности.

Я поднесла нож к лицу, игнорируя пока Траган, что-то говорившую мне. Крови на узком клинке было совсем немного, и не различишь вот так с ходу. Но я – чувствовала. Тонкую ниточку, протянувшуюся от крохотной капли к её хозяину, и собственную власть за эту ниточку потянуть.

Ну ладно, бездновы выкормыши. Хотели мага крови – так я вам его предоставлю, хотели войны – получите. Соблюдать законы можно дома, а здесь... Совет далеко.

И я, сосредоточившись, чиркнула себя по запястью тем же ножом, смешивая кровь.

Управляющая связь – это... грубо и надёжно, как удар дубиной по голове. Она оставляет заметные издали следы, буквально подпись создающего её мага, её может разорвать со стороны любой сильной маг, знающий методику. Она – один из тех фокусов, за которые очень не любят магов крови, и заодно прямой путь в руки палача и объятья Бездны.

Там, дома. А эти дикари явно не догадываются, с кем связались, иначе ни за что не оставили бы мне оружие и свободные руки.

Связь как раз закончила формироваться, когда Траган ухватила меня за локоть. На её счастье, нож я к тому времени уже убрала, иначе отмахнулась бы им, а так – женщина просто схлопотала оплеуху. Даже не кулаком, просто открытой ладонью, но рука у меня тяжёлая. Вскрикнув от неожиданности, дикарка отшатнулась, схватившись за лицо, и уставилась на меня со смесью глубочайшего изумления и детской обиды.

– Руки! Держи их от меня подальше! – угрюмо прорычала я, глядя на неё исподлобья. – Я сейчас и так нервная, не надо злить меня ещё больше. Я прекрасно помню, чьей милостью тут оказалась, не стоит лишний раз мозолить глаза. Не сдержусь.

Понимала, что говорю в пустоту, но... уж слишком хотелось высказаться. Я кипела от негодования и злости на обстоятельства, и лучше выплеснуть всё это руганью, чем кого-нибудь прибить. Причём самый вероятный «кто-нибудь» стоял сейчас передо мной и олицетворял всё то, что будило жажду крови.

Траган что-то проговорила, продолжая держаться за лицо. Нас быстро обступили растерянно гомонящие аборигены – я чувствовала их изумление и недоверие. Кажется, при них уважаемых женщин по лицу ещё не били.

– Что тут у вас ещё случилось? – пророкотал уже знакомый мужской голос.

Нет, говорил он по-прежнему на своём гортанном наречии, но связь позволяла понимать сказанное. Отлично, расчёт оказался верен: и на это свойство связи, и на то, что мужик – явно не последний в местной иерархии.

Траган принялась жаловаться, кто-то подтвердил, и лапища опять потянулась ко мне в явном намерении сгрести за шиворот или за волосы.

– Ну вот и зачем вы притащили эту шайсу? – проговорил мужчина раздражённо.

Видимо, это ругательство было каким-то совсем уж местным и не имело перевода, раз я не поняла его даже теперь.

– Замри! – резко скомандовала, и мужчина застыл с протянутой рукой. Я скрестила руки на груди и окинула его оценивающим, удовлетворённым взглядом. Что ж, при правильном подходе эта зверюга становится уже совсем не страшной. – Если кто-то попытается напасть или причинить мне другой вред – защищай. Сам причинять мне вред тоже не смей. Если я умру – умрёшь со мной. А теперь поговорим. Отомри!

– Что ты сделала, шайса?! – процедил он недовольно. Опять потянулся меня схватить – но рука замерла, не коснувшись, словно натолкнулась на невидимую стену. Глаза дикаря сверкнули концентрированной, жгучей яростью.

В ответ на реплику я не удержалась от глумливой, самодовольной ухмылки.

– Вы меня украли, так что сами виноваты, – насмешливо отмахнулась я. – Где мой корабль?

– Там. – Взмах руки указал направление, предсказуемо противоположное зубчатой горной гряде.

– Сколько дней пути?

– Две луны, – проговорил он и довольно оскалился, когда я грязно выругалась себе под нос.

– Как мы так быстро сюда добрались и как быстро вернуться обратно?

– Дверь открылась и закрылась, – стремительно успокаиваясь, ответил мужчина. Ярость таяла на глазах, сменяясь насмешкой и удовлетворением. – Никак, шайса. Двери открываются в определённое время, несколько раз в год. Следующий – через три луны.

– Вот же... зелёна мать! – выдохнула я.

– Убери свои чары и извинись перед Траган, потом иди в шатёр и отдыхай, – проговорил он, снисходительно улыбаясь. – Мы дадим тебе кров и защиту.

– Ой, правда? Какие вы добрые! – пропела я, пару раз хлопнув глазами со старательно-идиотическим выражением лица. Потом ткнула мужчину пальцем в солнечное сплетение и процедила: – Боль. Здесь. – Дикарь прерывисто вдохнул, и так взбесившая меня ухмылка сменилась болезненным оскалом стиснутых зубов. Пошатнулся, но пока устоял, сверля меня взглядом, а я между тем продолжила: – Я не просила меня воровать. Свою защиту вместе с кровом можете засунуть себе в задницу и пару раз провернуть. Траган пусть благодарит, что отделалась оплеухой, за такие фокусы её стоило бы по меньшей мере хорошенько побить ногами. Что-то я ещё хотела... – в притворной задумчивости я потёрла подбородок указательным пальцем. – А, да! Довольно боли. Пока что.

Мужчина несколько раз шумно вздохнул, потёр ладонью грудь и опять усмехнулся.

– У тебя нет выбора, шайса. Тебе некуда идти. На дороге – смерть. Умру я – умрёшь и ты, нас слишком много для тебя одной. Убери чары, и я прощу тебе это. Я понимаю, ты напугана и не ведаешь что творишь.

– Ты простишь? То есть вы меня похитили, затащили на край Бездны, а ты простишь? Малыш, ты в курсе, что умирать можно долго, очень долго? Так я уже в шаге от того, чтобы тебе это продемонстрировать!

– Ты женщина, а женщины не убивают, – убеждённо ответил он.

– Спорим? – предложила я, протягивая руку, хотя вряд ли он знал этот жест.

Несколько мгновений мы молча мерились взглядами в оглушительной тишине, которая висела вокруг: зеваки следили за разборками, затаив дыхание.

Наверное, отразилось в моём взгляде нечто такое, что пробрало даже эту тушу. Не настолько, чтобы мой собеседник вдруг проникся и начал извиняться, но достаточно, чтобы не обострять дальше.

Тишину разбил негромкий голос, и толпа с явным почтением расступилась, пропуская весьма колоритного мужчину, на которого мы со здоровяком обернулись одновременно. С пепельными волосами, как старшие женщины, высокий, но не такой массивный, как прочие, скорее сухощавый; этот новоприбывший вполне мог бы сойти за иналя, если бы не типично местное лицо – широкое, с крупными резкими чертами, «украшенное» тонкими белыми шрамами и застывшее маской спокойствия. Из всех взрослых мужчин он единственный носил не только штаны и мягкие кожаные ботинки, но и широкую свободную рубаху со шнуровкой на воротах, сшитую из грубого серого полотна и украшенную вышитым орнаментом – примитивным, угловатым, как и прочие местные декоративные узоры.

Приблизившись, сероволосый обратился к «моему» аборигену. Слов новоприбывшего я не понимала, но догадалась по ответам: он неоригинально интересовался, что происходит. Здоровяк вкратце сообщил, что шайса сделала с ним что-то, что понимает и командует, но не хочет слушаться, угрожает и говорит глупости. Наверное, разумом помутилась от страха.

Странно, но новоприбывшего эта версия не устроила. Кажется, он попытался что-то втолковать упрямому здоровяку, но тот лишь отмахивался и высказывался в том ключе, что «всё это чушь» и «чем бы дитя ни тешилось». В конце концов и вовсе отвечать перестал, только скрестил руки на груди и недовольно поджал губы.

Пару мгновений этот новенький смотрел то на него, то на меня, а потом решил взять ситуацию в свои руки и начать сначала. Поздоровался с подчёркнутым уважением, низко склонив голову и на пару мгновений задержав в таком положении, а потом что-то сказал – тем же спокойным, нейтральным тоном без выражения. Я в ответ пожала плечами и качнула головой.

Чуть нахмурившись, он показал сначала на себя, потом на меня, потом изобразил пальцами клюв, открывающийся и закрывающийся, потом попеременно указал на меня и на нависающего угрюмым утёсом здоровяка.

Хм. Со мной хотят говорить? Ну, ещё одна управляющая связь всяко лишней не будет...

– Руку, – велела я, протягивая ладонь и держа нож наготове.

Старший вопросительно посмотрел на здоровяка, но тот не собирался облегчать нам общение. Нахмурившись, сероволосый задумчиво качнул головой и неуверенно протянул ладонь в ответ так, как сделала я.

Перехватив запястье, я полоснула по нему ножом; мужчина вздрогнул от неожиданности, но руку не отнял. С жадным любопытством и некоторой растерянностью проследил за смешением крови, недоверчиво поглядывая порой на здоровяка.

Ещё несколько секунд на формирование связи, и я спросила:

– Кто ты и чего хотел?

– Я Микар, я один из старейшин, – назвался он. – Чингар хороший воин и хороший вождь, но горяч и несдержан. Он не верит шёпоту ночи и старым словам, не доверяет духам и не видит силу. Он слишком горд и упрям, чтобы просить,

поэтому за него и всех нас прошу прощения я. Прости и Траган, она излишне обрадовалась увиденному и поспешила, а совершённое в спешке всегда сторицей забирает своё время потом, после.

– Чему обрадовалась?

Микар всё же сумел меня заинтересовать.

– Это долгий разговор. Я прошу тебя пойти в мой шатёр, сесть на мягкие ковры и продолжить беседу там. Если пожелаешь, тебе будет дано всё необходимое, чтобы отдохнуть и восстановить силы после дороги и чар Траган, а отвечу я чуть позже – по первому твоему требованию. Клянусь корнями и жизнью моего народа, что ни я, ни Траган не желали тебе зла, просто она поступила глупо и опрометчиво. Также обещаю ответить на любые твои вопросы и даю слово, что никто из инчилов не замышляет против тебя и твоего народа дурного и никто больше не станет влиять на тебя чарами. Как один из старших, я могу говорить от имени моего народа. Траган совершила ошибку, позволь мне её загладить.

Несколько секунд я колебалась. Микар видел это и молчал, опасаясь сделать хуже.

Поглоти меня Бездна! Больше всего в этой жизни я не люблю безвыходные ситуации, но почему-то с завидным постоянством в них попадаю. Хотя сейчас, конечно, особенный случай, мне ведь и правда некуда больше идти – независимо от того, кто во всём виноват.

Шанс вернуться есть, но он ничтожен. Экспедиция закончится гораздо раньше, чем я сумею добраться до берега, и неизвестно, приплывёт ли следующая и сумею ли я её встретить. И в любом случае до этого момента как-то надо дожить.

Если бы со мной продолжал разговаривать Чингар в своём тоне, я бы предпочла такому существованию смерть. Наверное, прихватив с собой и вождя, и, может быть, солидную часть его народа: если я прибегну к ритуалу, сил на это хватит с лихвой.

Но Микар своим поведением, тоном и настроением давал надежду, что не все местные дикари – такие же самоуверенные бездновы выродки, как этот Чингар.

– Ладно. Пойдём поговорим, – наконец решилась я, убирая нож. – Да, а где мой меч? Перевязь и ножны вот тут, на бедре висели, – я выразительно похлопала себя по указанному месту.

– Его вернут тебе, – коротко кивнул старший. – Траган, пожалуйста, позаботься о том, чтобы нашей гостье отдали её оружие. Пойдём. Скажи, как я могу к тебе обращаться?

Так и подмывало ответить что-то вроде «называй меня госпожой», но я решила не опускаться до совсем уж мелкой мести и просто назвала имя.

Микар двинулся прочь с полянки, рассекая толпу одним своим взглядом, я зашагала за ним. Чингар задумчиво потёр грудную клетку там, где по моей команде болело, и – последовал за нами. Возражать я, подумав, не стала. Пусть идёт, в случае проблем послужит дополнительным щитом.

– Скажи, Стевай, мы с тобой понимаем друг друга, потому что ты смешала нашу кровь? – спросил Микар на ходу.

– Это побочный эффект, – решила не скрывать я и не обращать внимания, как переврали моё имя. У них в языке звука «л», похоже, вообще не было. – Главное – связь, которую я могу создать таким способом. Основное её назначение – я могу отдавать команды тем, кто со мной связан. Тебе, ему, – я кивнула на Чингара.

Однако Микар на эти слова отреагировал весьма странно: ни досады, ни обиды, ни опасения, ни попыток выяснить, насколько хватает связи. Он просто очень весело усмехнулся – не столько губами, сколько глазами, от уголков которых разбежались лучики мимических морщин, – и тихонько заметил себе под нос:

– Какие полезные чары.

По сути я была согласна, хотя и возникло стойкое ощущение, что имел в виду мужчина нечто своё, никак не связанное с моим видением ситуации. Но лезть ещё и в эти дебри не стала.

Пока мы шли и я поглядывала на спутника, обнаружила ещё одно отличие местных взрослых мужчин как от иналей, так и от прочих сородичей: уши. У нас

они узкие и длинные, в пол-ладони, довольно подвижные: поворачивать их как кошки мы не можем, но двигаются они достаточно выразительно, это важная часть мимики. У инчиров уши хоть и заострённые, как у нас, но поменьше, и совсем не двигаются, что только добавляет сложностей в общении. А у местных мужчин, ко всему прочему, на острых кончиках ушей растут смешные пушистые кисточки золотистого цвета.

И вот ещё что интересно. По легенде, имя нашему народу дали боги, когда его создавали, на собственном языке. Его и перекликающиеся с ним имена. Я это к чему, собственно... Ин-аль, ин-чир – поразительное созвучие для двух народов, которые как будто никогда не встречались.

Неужели легенда про некую катастрофу, разразившуюся в древности, настолько правдива? И что же это, интересно, было?

Глава 2

В деревне у побережья инчиры не звали нас в свои жилища, да и сами не рвались в гости, так что возможность осмотреться внутри представилась мне сейчас впервые.

Сшитый, кажется, из шкур шатёр имел форму приплюснутого с двух сторон конуса, боковые ниши отделялись от основного помещения полотнищами, сплошь затканными травяным узором, так что получалось три «комнаты». Пол устлали грубо выделанные кожи, поверх прикрытые толстыми мягкими коврами. Сидеть предлагалось не прямо на них, а на плотных круглых подушках вокруг низкого резного столика.

Освещал комнату вытянутый крупный кристалл тёплого жёлтого цвета, закреплённый в стоящем у стены затейливом кованом светце. Занятная штукавина. Жалко, я не артефактор и не способна оценить сложность этого светильника. А то, может, дикари эти совсем не дикари?

Микар пригласил нас садиться, а сам, исполняя роль хозяина, нырнул за одну из завес и чем-то там застучал и зашуршал, не на шутку разжигая любопытство.

Однако совать нос туда я не стала, устроилась на подушке, задумчиво погладила кончиками пальцев ковёр прекрасной работы – толстый, мягкий и очень плотный. По такому босиком ходить надо, как по свежей траве.

Чингар уселся напротив меня, скрестив ноги перед собой, опёрся локтями о колени и, сцепив ладони в замок, принялся разглядывать. Вдумчиво, сосредоточенно, пристально. Не знаю, на что рассчитывал, но я приняла расслабленную позу и ответила ему прямым невозмутимым взглядом, тоже изучая, благо света хватало.

Нет, ну всё же до чего огромный мужик. С медведя, не меньше. И, как медведь, только кажется толстым и неуклюжим, а на деле – весьма ловок и подвижен. Пожалуй, с таким бы я пять раз подумала, стоит выходить в поединок или нет, особенно если дать ему оружие. По-моему, с ним даже ловкостью мериться бессмысленно, а на одной технике далеко не уедешь. Такого надо валить сразу, наверняка и с большого расстояния.

– Зачем тебе оружие, шайса? – спросил наконец Чингар.

Мысли он, что ли, прочитал? Или я настолько выразительно прицеливаюсь?

– Для красоты, – улыбнулась я. И продолжила в ответ на снисходительную, понимающую ухмылку, мечтательно сощурившись: – Потроха врага – это же так красиво.

Прозвучало излишне пафосно, так и я не на экзамене по риторике. Зато по существу, и собеседник поймёт.

Нет, я не жестокая садистка, и чужая смерть не доставляет мне удовольствия. Если было бы так, меня бы уже в живых не было: за магами крови наблюдают очень пристально, и такой тревожный знак заметили бы сразу. Но этот здоровяк будил во мне кровожадность, особенно своей мерзостной ухмылкой и взглядом, как бы говорящим: «Ты можешь думать что угодно, но я-то знаю, женщина, что твоё место на кухне».

М-да. Отвыкла я от такого. Инали-мужчины в большинстве своём относятся к женщинам уважительно, подобные замашки проявляют достаточно редко, однако в молодости мне на таких чрезвычайно везло. Но заработанная долгими

годами репутация мстительной стервы, ядовитый язык и ослиное упрямство сделали своё дело, и подобные типы не вставали на моём пути уже давно. Некоторые боялись, остальные предпочитали не связываться по принципу «не трогаешь – не пахнет», и такое положение вещей меня вполне устраивало.

Ответить и вообще как-то отреагировать на мои слова вождь не успел, вернулся Микар с подносом, на котором стояли три питьевых миски и большой местный чайник странной формы, высокий и с длинным носиком, над которым поднимался ароматный парок.

– Неторопливая беседа – первый шаг к дружбе, – философски изрёк он настолько невозмутимо-благодарным тоном, словно за тканевой перегородкой был не слышен разговор. Установил свою ношу на стол, уселся, сложив руки перед собой раскрытыми ладонями вверх, рука на руку. – Спрашивай, Стевай.

– Начнём с главного: зачем вы меня похитили? – подобралась я.

Микар замешкался с ответом, но прочитать по его неподвижному лицу эмоции и угадать причину было невозможно.

– Существует поверье, что плод любви обычной женщины и духа избавит нас от главной напасти, тварей тайюн, – осторожно сообщил он наконец.

– И что, более обычной женщины у вас не нашлось? – растерялась я.

– Ты очень тонка и изящна... – мягко заговорил дипломатичный Микар, но его, поморщившись, оборвал грубый вождь:

– Траган приняла тебя за духа-мужчину. Что не удивительно, – он окинул меня новым насмешливым взглядом. – Даже странно, что пахнешь ты как женщина.

– Да уж наверное, – буркнула я, не обращая внимания на подначку. На их взгляд, я и правда должна больше тянуть на мальчика-подростка. – Чем больше мяса – тем лучше, конечно. Особенно в голодный год. Ладно, а почему из полусотни мужчин так удачно выбрали именно меня?

– Женщины плохо разбираются в сильных духах, – отозвался Микар. – В твоих спутниках она не почувствовала совсем ничего, а в тебе ощутила незнакомую силу. Решила, что ты самый могучий дух, раз это способна ощутить даже женщина.

– Зелёна мать! – со вздохом ругнулась я. – То есть абы какого ей не надо, ей самого-самого подавай. И из-за жадности одной оптимистки, возжелавшей одарённого потомства, я оказалась в этой... льдом травленной щели Бездны! Без надежды вернуться домой. Прекрасно, – я эмоционально всплеснула руками. – Определённо, этой камнеголовой с леданутыми мозгами повезло, что я ограничилась оплеухой. Имела полное право отвести на ней душу как следует!

– Не сердись на Траган, – попросил Микар. – Она...

– Ты брала пищу и воду, – опять влез Чингар. – Если дух принимает их из рук инчира, он желает подружиться или вовсе стать инчиром. Не надо было их брать, и ничего бы не случилось.

– Не надо было предлагать, – выплюнула я раздражённо. – У моего народа это называется «гостеприимством». Когда в твой дом приходят, не держа зла в сердце, принято накормить и напоить гостя, а не травить какой-то дрянью до состояния тяжёлого похмелья!

– На инчилов дым накаби не действует, – заметил старейшина. – Наверное, твоя сила всё же отчасти родственна духам...

– Мне интересно, в твоём народе все женщины – вот такие? – любопытствовал Чингар. – Может, ещё и весь отряд состоял из вот таких женщин?

– Увы, ваша... Траган выбрала в качестве хахаля единственную женщину, – с сарказмом отозвалась я.

– Выходит, тебе одной не нашлось места дома? Уж не за длинный ли язык тебя отправили на смерть, шайса? – проговорил вождь глумливо.

– А ещё за дивный нрав и уникальную силу, – отмахнулась я. – Осторожно, дорогой, ещё немного высказываний в таком духе – и я решу, что ты влюбился!

– Осторожно? Клянусь духами предков, и правда. Худшей кары никому не пожелаешь, чем такая женщина в шатре!

– Ну конечно, если с тюфяками и подушками привык обниматься, тут и не догадаешься, что с нормальной женщиной делать, у которой есть характер и своё мнение. Насмотрелась я на таких...

– Со стороны? Ближе подойти никто не рискнул?

– Из трусов – нет, что мне только на руку. Ты вот первый.

– Хватит! – не выдержав, потребовал наконец Микар. – Даже дети так себя не ведут!

– Ну кто виноват, что у вас вождь умён не по годам, – проворчала я себе под нос. – Весь мозг...

– Довольно! – рявкнул старейшина, хлопнув ладонью по колену. – Чингар, пожалуйста, выйди! Позволь мне поговорить с нашей гостьей. Спокойно поговорить!

– О чём с ней разговаривать? – пренебрежительно фыркнул вождь, но спорить не стал, поднялся и шагнул к выходу.

– Да уж всяко больше вариантов, чем с тобой, – проворчала я, упрямо оставляя последнее слово за собой. Подмывало ещё и неприличный жест в спину показать, но я сдержалась, это уже совсем ребячество. И, пока Микар не начал лекцию о поведении, поинтересовалась: – Какой-то он у вас слишком нервный для вождя. Что, других вариантов не было?

– Чингар лучший из воинов, вождём его выбрали по праву. Дело вождя – вести инчириков в бой, всё остальное решают старшие. А в бою ему нет равных, он чувствует тайюнов, убил их больше, чем кто-то ещё. Да, всегда был резок и упрям, но... вот таким я его не видел, – вздохнул Микар. – Как и любой инчир, он добр и терпелив с женщинами. А на тебя, наверное, сердит за Траган.

– Почему? – озадачилась я, про себя отметив одинаковый подход наших народов к управлению и неточность определения: Чингар выходил скорее не вождём, а главнокомандующим. За аборигенов стало спокойнее. Если он просто воюет против неких тварей, а не определяет будущее этого народа, у последнего есть шансы выжить. – Она ему родственница, что ли?

– Она его мать, – вздохнул мужчина.

– Прекрасный вождь, в бабы склоки влезать, – проворчала я, хотя это, конечно, многое объясняло.

– Наши женщины не дерутся, – пояснил Микар осторожно. – Твой поступок – это было очень... странно. Неправильно. Непонятно. Для вас подобное – обычно?

– Ну... Честно говоря, тоже не особенно, – хмыкнула я. – Но такого удивления не вызывает. Если женщина желает постоять за себя самостоятельно, никто ей в том не препятствует. А у вас, я так понимаю, разговор один: чуть что – иди в шатёр.

– За женщин дерутся мужчины, – возразил собеседник. – Они для этого и существуют. Поэтому Чингар и... растерялся. Ты обидела его мать, он должен был вступиться, но не может: ты тоже женщина.

– А если не окажется подходящего мужчины под рукой, чтобы вступиться? – полюбопытствовала я.

– Такого не может быть, – уверенно отмахнулся Микар. – Инчир будет защищать любую женщину. Просто я не помню случая, чтобы защищать пришлось от другой женщины...

– Ой, всё! – поморщившись, я всплеснула руками. – Не хочу больше про баб и эту семейку! Давай о главном. Что ещё за твари-тайюн у вас тут ходят и откуда берутся? Да ещё в количествах, которые кажутся вот этим тушам, то есть вашим воинам, заметными.

Микар тут же подобрался и сосредоточился, даже немного нахмурился.

Всё же физиономия у него исключительно деревянная, за время разговора тень эмоций на ней проступала всего несколько раз. Хотя на деле, кажется, не такой уж дуб: вышел же из себя во время нашего с вождём обмена любезностями.

– Далеко-далеко есть земля, где травы сочны и зелены, где деревья огромны, скалы стары как мир, а небо высоко. Инкар. Священная земля. Сильная земля, которая привлекает и порождает самых сильных духов. Даже тех, кто способен предстать во плоти. И добрых и, увы, злых. Тайюн неутомимы, сильны, быстры и безжалостны, они охотятся на инчиров, пожирая нашу суть и обращая жертвы в себе подобных. Когда наступает Сезон Смерти, единицы и десятки тайюн, которые всегда бродят по Инкар, обращаются в несчётную волну. В Сезон Смерти все инчиры укрываются среди скал Края Мира: вдали от Священной земли тайюн меньше, там воины могут дать им отпор.

– погоди, у меня такое ощущение, что ты меня дуришь, – перебила я, тряхнув головой. – Как часто у вас случается этот «Сезон Смерти» и сколько он длится?

– Каждый год на две луны наши земли становятся землями тайюн.

– Точно, дуришь, – мрачно подтвердила я. – Мне тут доказывали, что до корабля дороги – больше двух лун, то есть расстояния огромны. Как эти ваши тайюн успевают разбежаться из своей Священной земли?

– Священная земля – то место, где можно встретить тайюн в любой день. А в Сезон Смерти тайюн везде, – терпеливо пояснил старейшина.

– А откуда они берутся в таких количествах? – не поняла я. – Да ещё «везде».

– Они – тайюн, – повторил он с теми интонациями, с какими мамы объясняют маленьким детям, что огонь – горячий. – В Сезон Смерти они появляются везде.

– Кхм. Ну допустим, – смирилась я, понимая, что ничего другого мне этот тип не скажет. Похоже, они всё-таки и правда дикари, если о таких вещах не задумываются. – Допустим, эти прожорливые тайюн заполняют все земли. Но места у вас тут совсем не пустынные, и живности полно, и растительность буйная. Что в таком случае жрут тайюн?

– Тайюн питаются силами инчиров, – вздохнул Микар, кажется, уверившись, что жизнь столкнула его со слабоумной.

– И всё? Но вы же от них сбегаете и прячетесь в скалах! Причём, как я понимаю, сбегаете всем народом, потому что иначе давно бы вымерли.

– Верно, – одобрительно кивнул мужчина.

– Какой скудный у них рацион, – пробормотала я, хмурясь ещё больше.

Из того, что он говорил, выходила полная чушь. Непонятные злобные твари, которые вдруг разом появляются из ниоткуда – и вдруг исчезают спустя две луны. Причём это не попытка заледенить мне мозги, Микар явно верит в то, что говорит, и искренне желает объяснить самую главную местную проблему. Он просто сам ничего толком не знает об этой напасти. И духи почему-то подсказывать рецепт не спешат, и сам исследовать не может. И в силу скудости интеллекта...

Ну ладно, я придираюсь. Скажем, в силу ограниченности познаний аборигенов о мире Микар не сознаёт, почему всё сказанное – полный бред. Ну привыкли местные к тому, что эти тайюн есть, относятся к ним как к стихийному бедствию и не пытаются разобраться в явлении.

Но я-то не местная. Я образованная женщина и я знаю, что такое закон сохранения энергии! Ничто не возникает ниоткуда и не может исчезнуть бесследно, это однозначно. Ничто живое не может существовать... просто так! Не преобразуя энергию в вещество или обратно. Если они движутся и нападают, откуда-то они ведь берут на это силы. Значит, должны жрать что-то, помимо трудноуловимых инчиров!

Судя по тому, что наша экспедиция успела выяснить, с природой на этих землях полный порядок, никаких признаков опустошающих нашествий. Допустим, тайюн питаются какими-то видами энергии, кроме жизненных сил инчиров, но – какими?! И почему вдруг исчезают, все разом? Если бы иссякали некие неведомые природные источники, тем самым лишая тварей пропитания, это отражалось бы не только на их численности, но и на всём остальном мире!

Ничего не понимаю.

– А у вас, может, где-нибудь труп одной из тварей завалялся? – спросила я.

– Зачем он нам? – озадачился Микар.

– Вам не знаю, а мне хочется взглянуть.

Странно, но такому интересу он словно бы даже обрадовался, отметив это удовлетворённой улыбкой.

– Сейчас я ничем не могу тебе помочь, но до Сезона Смерти осталось меньше луны. Тогда ты сможешь сколько угодно смотреть на трупы тайюн, если тебе этого хочется.

– Хм. А как же «женщинам не положено»? – не утерпела я.

– Что? Почему? – моего вопроса он, кажется, не понял совершенно.

– Ну, драться женщинам не положено, так и трупами интересоваться, наверное, тоже?

– Нет, конечно, – искренне развеселился он. – Мужчина добывает трофеи и приносит в шатёр, женщине. Любой женщине приятно видеть, насколько силен и удачлив её защитник!.. Что случилось? – осёкся он, потому что на этом месте я с трагическим вздохом прикрыла лицо ладонью.

– Нет-нет, всё замечательно, я очень рада за ваших женщин! – заверила его. – Ладно, с главной проблемой определились. Давай теперь подробнее, что ты говорил про шёпот ночи, духов и общую невнимательность своего вождя, не способного видеть силу? К чему это? И что ты вообще от меня хотел-то? Надеюсь, не того же самого, что Траган? Имей в виду, я не намерена рожать от ваших бравых воинов и странных духов легендарных детей для борьбы с полчищами тайюн!

Микар снова не сдержал улыбки, и в этот раз она получилась добродушно-покровительственной. Мол, я могу думать и говорить что угодно, но он ведь лучше знает, что...

Наверное, это у них тут общая гримаса для общения с женщинами. Впрочем, самоуверенность Микара не раздражала так, как снисходительность вождя, и получалось относиться к ней философски. Чем-то старейшина напоминал мне дедушку, и на него сама собой распространялась моя симпатия к славному предку, которого я искренне любила и в которого, по уверениям всей родни, удалась не только даром, но и мерзким характером.

Сравнением меня пытались укорить, но оно, наоборот, льстило. Войдель был лучшим на всё Семилесье магом крови и исключительно интересным типом. За свою долгую жизнь он успел настрогать больше двух десятков детей, почти всех – от разных женщин. Индивидуальная особенность силы, на нём постоянно сбились чары, предохраняющие от нежелательной беременности. Понятно, что его не любила и родня этих женщин, и родня его законной супруги.

Симпатия у нас с дедом была взаимной. Обучая меня, Войдель постоянно повторял, что первый раз так наглядно на его глазах количество перешло в качество. С ним было интересно: обаятельный, очень умный, многое повидавший, с прекрасным чувством юмора, он был лучшим наставником, какого вообще можно желать.

Да и не такой уж он был вредный, просто язвительный и говорил правду в глаза. То есть если он считал бабулю кобылой, прекрасной только своей статью и родословной, то так и говорил. Впрочем, это совсем не помешало заделать ей пару крепких жеребят-наследников – мою мать и её брата.

В общем, да, у меня очень высокие и тёплые отношения в семье. Огненная Глотка в миниатюре (это такой вулкан к югу от Семилесья, на одноимённом острове).

Пока я мысленно проводила сравнительный анализ, безуспешно пытаюсь отыскать общие черты у этого дикаря и Войделя, Микар без спешки наполнил незаметно опустевшие за разговором миски новой порцией ароматного травяного отвара. С ответом я не торопила, пусть спокойно приведёт мысли в порядок и придумает все недостающие.

– У тебя очень особенная сила, – начал он медленно, слегка рассеянно. – Это так, да? Те, кто был с тобой, они другие?

– Да, сила действительно довольно редкая, – согласилась я.

– Но ты не дух, несмотря на странный облик. И они, наверное, тоже. Я хочу понять. Кто вы? – напряжённо спросил он. Наверное, опасался, что опять разругаюсь.

Но последствия похмелья уже прошли, с невозможностью прямо сейчас вернуться на корабль я почти свыклась, выведившего меня из себя Чингара рядом не было – все условия для спокойного разговора. К тому же на мои вопросы Микар в меру своего разумения отвечал, почему бы не оказать встречную любезность? Я же вообще-то отходчивая, со мной можно договориться, просто не у всех хватает терпения дождаться этого момента.

– Мы – инали. Похожи на вас, такие же существа из плоти и крови, никакие не духи. Просто другой народ. Мы приплыли из-за океана в поисках земли, о которой говорили легенды. Правда, мы думали найти здесь пустынный мёртвый край, и встреча с вами оказалась полной неожиданностью.

– Мёртвый край? Но зачем он вам? – нахмурился Микар. – Вам не хватает своей земли?..

– Да вроде бы не жалуемся, – я пожала плечами. – Никто к вам сюда не собирался переселяться, это просто исследовательская миссия.

– Зачем? – ещё больше нахмурился он.

– Как – зачем? Выяснить, существует ли эта земля, как она выглядит, правдивы ли легенды.

– Но зачем? – упрямо повторил старейшина.

– Это ведь интересно, – проговорила я уже не так уверенно. – Или нет? Хотя и правда, кому я об этом рассказываю! – Тяжело вздохнула. Пару секунд подумала, что бы такое соврать, чтобы не совсем уж грубо и достаточно безобидно. Получалось плохо. В этом я была солидарна с легендарным предком: проще сказать правду, чем убедительно солгать. – Наши старейшины отправили нас сюда, уверяя, что мы всё поймём на месте. У нас не принято оспаривать волю

старейшин, – наконец сообщила я, радуясь, что никто из них этого не услышит. А то, чего доброго, ещё на слове бы поймали...

– То есть вполне возможно, что они отправили вас на помощь нашему народу? – Микар даже вперёд подался от возбуждения.

– Может быть, – покладисто согласилась я.

А смысл спорить, если и так понятно, что меня попытаются привлечь к решению этой их проблемы со странными тварями? И я совсем не против, надо же чем-то развлекаться. Главное только, чтобы решали они не методами Траган. Мало того, что дети – это совсем не то, чего мне не хватает в жизни для счастья, так ещё... простите, от кого? От этих огромных медведей? Да нет в мире такого зелья, чтобы я на вот это польстилась!

Закономерно вспомнился Лель, несостоявшийся вечер с массажем и другими приятностями, и я не удержалась от тяжёлого вздоха.

Не будет Леля. И приятностей не будет. Будут квадратные угрюмые физиономии дикарей и обиженный вождь со своей мамочкой.

Что-то меня такая жизнь прельщает всё меньше. Может, и правда избавить их от тайюн быстро и просто?.. Один ритуал – и мы все отмучились.

– Это... странно, – тем временем заметил Микар, не спеша склонять меня к свершениям во благо инчиров. – Океан – зло. Так говорит память предков. Иногда на берег приходит большая вода, и тогда мы понимаем всю мудрость наших пращуров. А теперь океан принёс тебя. Шанс.

– Ты специально? – мрачно глянув на мужчину, уточнила я. – Ты можешь внятно ответить на вопрос, как именно я должна вам помочь и какие у тебя на меня планы?

– Я... не знаю, – кажется, он смутился. – Многие инчиры спрашивают духов, как победить тайюн. Духи говорят много, разные духи говорят разное, инчиры понимают по-разному, и есть много разных ответов на этот вопрос. Очень много. Я тоже его задавал, и ответ был смутен. Определённо одно: не в силах

обыкновенных инчиров справиться с этой напастью, должен явиться некто иной, непохожий. Я живу давно, и ты – первая по-настоящему... другая. Особенная. Пахнешь женщиной, но имеешь иной облик. Твоя сила сродни силам духов, тебя дурманит дым накаби, но ты – не дух. Я надеюсь, что ты сумеешь помочь, но не представляю как. Ты не должна это делать, тебя привезли сюда против воли, но я надеюсь. Если всё сложилось именно так, может быть, ты действительно именно то спасение, о котором говорили духи?

– Хм. Ну... как минимум спасибо за честность, – задумчиво кивнула я. – Ладно. Я ничего не обещаю, но посмотрю, что можно сделать. В конце концов, заниматься мне чем-то надо, раз уж путь назад заказан, а это не худшее из дел. Любая война начинается с разведки, не станем нарушать правила.

Микар заметно посветлел лицом и перевёл дух – явно переживал за исход разговора, и его можно было понять.

– В таком случае, я предлагаю тебе войти в мой шатёр.

– В каком смысле? Мы вроде и так здесь, – хмыкнула я. Понятно, что имел в виду он нечто другое, но... мог бы и сам выражаться конкретнее.

– Тебе нужно где-то жить, – принялся за пояснения Микар. – Я один из старейших живых инчиров и скоро уже не смогу стоять на двух ногах, я не воин и не защитник, и всё, что я могу дать – это назвать тебя дочерью. Для взрослой женщины-инчира это предложение было бы обидным, для женщины естественно хотеть свой шатёр и своего мужчину. Любой инчир будет рад позвать тебя к себе и назвать своей, поэтому я не настаиваю и понимаю, что...

– Ой, не-не-не! – поспешно протараторила я, опомнившись. – Дочерью – это мне очень подходит, спасибо тебе большое за такое предложение! Если ты это серьёзно, то я согласна, конечно. А твоя родня не будет против? В смысле, у тебя что, своих детей и женщины нет?

– Нет, – спокойно качнул головой Микар, чуть улыбнувшись. – Среди инчиров гораздо больше мужчин, чем женщин. Даже несмотря на то, что многие гибнут, сражаясь с тайюн.

– Вот как? То есть всё настолько плохо, что они даже на меня согласятся? – со смешком уточнила я. – Нет, пожалуй, я обойдусь. По-моему, лучше хороший отец, чем незнакомая гора мышц под боком. Ты нормальный, умный мужик, и ты хотя бы спокойно объяснишь, что тут у вас как. Если не трудно, – подумав, вежливо добавила я.

– Мне будет в радость помочь тебе освоиться.

На том и порешили.

* * *

Магия крови – это довольно своеобразное искусство. Кровь связывает нас с богами, с раскинувшимся в Бездне Вечным океаном и позволяет черпать силу прямо оттуда. Сложными путями, с помощью ритуалов и символов, но зато сразу много. Маг крови может действовать либо по мелочам, занимаясь целительством, либо уж сразу – двигать горы. Именно поэтому нас очень не любят: инаи привыкли к порядку и обычно протестуют, когда рельеф начинает стремительно меняться, и это не говоря уже о случайных жертвах.

Полностью запретить эти чары, конечно, невозможно, да никто в здравом уме никогда и не пытался, потому что мы хотя и опасны, но порой незаменимы. Потому что иногда всё же приходится двигать горы и унимать природные катаклизмы, а, кроме нас, на такое никто не способен. И самое главное, Скрепы – магические барьеры, закрывающие наши земли от смертельного ледяного дыхания Севера, – нуждаются в постоянном присмотре и подпитке. И действие это, отнимающее у остальных магов почти всю силу, порой необратимо калечащее их психику, нам даётся несравнимо проще. Да, приходится отдавать много крови, но это в сравнении с потерями остальных – сущая ерунда.

И всё же надобность в таких масштабных воздействиях возникает очень редко: за свою долгую жизнь я всего три раза посещала Скрепы и напивала их силой. В остальное время магии крови скорее опасны, чем полезны, и жители Семилесья по мере сил пытаются избежать проблем с нашей братией. Нас очень тщательно и старательно обучают, даже почти дрессируют под строгим надзором, очень много времени уделяя не только самим ритуалам, но вбиванию в горячие юные головы понимания, что большая сила – это в первую очередь большая ответственность.

Мне исключительно повезло с наставником. Войдель умел заинтересовать, умел добиться внимания не только женщин, но и учеников, а ещё как-то удивительно просто и понятно доносил до наших занятых совсем не учёбой умов всё то, что в устах всех прочих старших казалось бессмысленным нудным брюзжанием: пресловутое понимание ответственности. Если бы не он, мой характер в итоге завёл бы меня не к дикарям на другой край мира, а напрямик в Бездну. А так... с родными, старейшинами и некоторыми коллегами я цапалась порой знатно, пух и перья летели, но всё это происходило на бытовом уровне. Хотя желание разнести если не полгорода, то уж пару домов точно, порой посещало.

Сейчас я особенно отчётливо понимала, насколько гениальным наставником был мой дед. Потому что здесь, вдали от Семилесья и сородичей, никакие законы меня не сдерживали, а всё равно, стоило немного разобраться в происходящем и успокоиться, обрести под ногами опору, и управляющие связи начали... беспокоить. Слабый, терпимый, но очень навязчивый зуд в пятке – вот на что походило это ощущение.

И если в отношении Чингара иллюзий я не питала, прекрасно понимая, что малейшее беспокойство пропадёт, стоит оказаться с ним лицом к лицу, а скорее, сменится жаждой крови, то перед Микаром было по-настоящему неловко. Всё же лично он к моим злоключениям не имел никакого отношения, но при этом вёл себя куда достойней вождя с его мамочкой, был добр и даже заботлив. Понятно, что подвигли его на это не столько широта души и врождённая доброта, сколько точный расчёт и умение находить выгоду, но... Траган вот меня тоже ради выгоды спёрла, можно почувствовать разницу.

Однако разорвать эту связь я тоже не могла, не терять же из-за мук нехоти пробудившейся совести единственную путеводную ниточку в чужом и непонятном мире. Поэтому сейчас я отмокала в чаше горячего источника не просто так, а обдумывая способ разрешить возникшее противоречие.

Источники эти стали той ложкой мёда, которая окончательно примирила меня с действительностью. Оказалось, что инчилов с иналями роднит не только схожая аура, но и любовь к чистоте, а постоянное место для этого большого стойбища, служащего точкой сбора отдельных групп аборигенов, выбрали когда-то давно с большим умом: в скалах, чуть в стороне от шатров, били эти самые источники, давно разведанные и освоенные. В одних купались, в других полоскали одежду, а третьи обходили стороной из-за разных вредных примесей. К моему

удовольствию, в это время суток большинство инчилов занимались своими делами, и никто не мешал мне спокойно думать в одиночестве.

Отсутствие писчих принадлежностей не смущало, все эти неудобные в подобном месте предметы отлично заменялись простенькой иллюзией. Один из тех здорово облегчающих жизнь фокусов, которые осваивает любой иналь ещё в детстве, наряду с бытовыми мелочами вроде чистки обуви и поддержания волос в порядке, и которые со временем входят в привычку. Для них не нужен дар определённого типа, достаточно обязательных навыков обращения с энергией и тех крох естественного магического фона, которые «налипают» на внешние слои ауры, как пылинки на ворсистую ткань.

Словно паук в паутине, я сидела и сосредоточенно разглядывала плетение разноцветных линий – зримое представление энергетического каркаса чар. Это боевики-стихийники тренируются держать всю картинку в голове, а нам, привычным к ритуалам и нарисованным линиям, проще вот так. Да и конструкции у нас заметно сложнее: в бою-то не до изысков, всё должно быть надёжно и быстро.

Так вышло, что чар, предназначенных для понимания чужого языка, не существует. В Семилесье есть несколько диалектов – инали не едины, мы регулярно разобщаемся и даже грызёмся между собой, – но они отличаются не столь кардинально. Так что заклинание мне предстояло создать. Желательно быстро и без обильного кровопускания. Благо идея, от которой можно оттолкнуться, имелась: связь управления. Теперь предстояло растянуть поле её воздействия с обладателя конкретной крови на всех обладателей примерно похожей. Ну и, конечно, уменьшить глубину с полного подчинения на взаимопонимание, потому что... Да в Бездну совесть, я же просто надорвусь, пытаюсь подчинить такую прорву народа, никакой крови на это не хватит!

За расчётами я успела неторопливо вымыться с помощью зеленоватой глины, выполнявшей здесь роль мыла (интересно, не по её ли милости у местных такой странный оттенок кожи?), и тщательно прополоскать волосы, а потом ещё долго сидела на тёплом камне, по пояс в воде, и никак не могла заставить себя прерваться. Интересная задача – это единственная вещь, которая способна с гарантией нейтрализовать меня на долгий срок.

Развесив вокруг столбики вычислений и обломки каркасов чар, нарисованных в воздухе дрожащими дымными линиями зловеще-красного оттенка (ничего не

могу с собой поделаться, такой цвет даётся проще всего), я глубоко ушла в размышления и полностью оторвалась от реальности. Хорошо ещё, естественный магический фон вокруг источников был повышен и мне хватало на это сил! А концентрации способствовала живая тишина – наполненная шелестом ветра, негромкими песнями воды и монотонным, совершенно не отвлекающим гулом голосов чуть в стороне, за камнями, в «хозяйственной» части источников.

В один момент моё уединение было нарушено какими-то инчирами, тоже возжелавшими искупаться, но вели они себя тихо, прилично и меня не потревожили, так что я даже не смогла бы сказать, сколько их. Меня пьянило и подзуживало ощущение, что разгадка где-то рядом, вот-вот дастся в руки. Обманчивое чувство, которое обычно заканчивается пшиком, но – приятное. И каждый раз кажется, что уж в этот раз действительно повезёт.

В этот – не повезло особенно, не так, как обычно. Потому что тишину вдруг разбил голос, окликнувший меня по имени, а вместе с тишиной – и концентрацию. Я дёрнулась от неожиданности, часть иллюзий растаяла, другая растеклась безобразными бурыми пятнами. Мысль, конечно, ускользнула, издевательски щёлкнув по носу.

– Да зелёна ж мать! – выдохнула я, подскакивая и оборачиваясь.

Мгновение мы с Чингаром смотрели друг на друга, а потом я взорвалась.

– Опять ты, сожри тебя Бездна! Ты издеваешься, что ли? Преследуешь меня? Только я подумаю, что у вас тут можно жить, как появляешься ты – и всего позитивного настроения как не бывало! Слушай, добром прошу – заметь, прошу, не приказываю! – держись от меня подальше, а? Вот просто не попадайся мне на глаза вместе со своей матерью. И все будут счастливы и живы. Договорились?!

– Шайса! – сказал он как сплюнул и, резко развернувшись, молча ушёл.

Я проводила вождя слегка озадаченным и недоверчивым взглядом. Не ожидала, что он так быстро, без всяких пререканий, послушается. Даже настораживает.

Хм. Может, его просто мой внешний вид смутил? Может, у них тут не принято нагишом скандалить?

Я машинально опустила взгляд вниз. Вода закрывает хорошо если до колен, руки гневно упёрты в бока, – в общем, постараться надо, чтобы что-то не разглядеть.

Ну, зато теперь он перестанет сомневаться в том, что я – женщина. Наверное.

Устало уронив руки, я тяжело вздохнула и осторожно перебралась на берег, к разложенным на камнях вычищенным вещам. Момент вдохновения безнадежно упущен, а дольше отмокать уже не полезно, не говоря о том, что надоело. Ладно, сейчас вот вернусь в шатёр к Микару и продолжу свои изыскания, там меня вряд ли кто-то побеспокоит.

Пока одевалась, я запоздало сообразила, что Чингар наверняка явился не просто так, у него вроде бы даже какой-то свёрток был в руках, и стало немного неловко за эту вспышку. Вождь небось тоже поплавать пришёл. Может, решил вежливость проявить и спросить, не помешает ли, или узнать, долго ли я планирую мокнуть. Вон даже имя моё вспомнил! Только под горячую руку попал.

Зелёна мать! Да, не ладится у меня общение с этим типом. Точно стоит держаться друг от друга подальше, а то поубиваем.

И надо всё-таки узнать, что значит это его ругательство. А то, может, оно совсем мерзкое и срочно пора мстить?

Оделась я быстро, разобрала волосы при помощи бытовых чар – тоже, а вот заплести традиционную родовую косу – занятие не на две минуты. Я достаточно уже наловчилась, чтобы уметь соорудить её не только без посторонней помощи, но даже без зеркала, однако...

Несколько секунд я задумчиво поглаживала и протягивала между пальцев пряди, а потом плюнула и собрала их в самую простую косичку на три хвоста, какие заплетают лошадям и куклам. Один лёд, никто здесь не поймёт разницы!

От этого решения и поступка на душе вдруг стало легче и веселее, хотя я толком и не поняла почему. Да и не стремилась: меня ждал тихий уютный шатёр и увлекательная нерешённая задача.

Дорогу нашла легко, я хорошо её запомнила, пока Микар провожал. Да и шатёр узнать было не трудно, они только на первый взгляд казались одинаковыми, а стоило присмотреться – и размеры разные, и узоры, и порой даже устройство, потому что некоторые шатры слеплены из нескольких. Наверное, принадлежали они большим семьям.

В стойбище было суетно – как, впрочем, и в момент моего ухода. Почудилось только, что брожения имеют несколько другой, более нервный оттенок, но от этого ощущения я отмахнулась. Не собирают в панике шатры, детей не прячут, значит – ничего страшного не случилось.

В шатре было пусто, что порадовало, но я даже устроиться толком не успела, когда полог опять отодвинулся и внутрь шагнул Микар. Хмурый, сосредоточенный; даже сквозь его обычную маску проступало не то беспокойство, не то смятение.

– Что-то случилось? – спросила я, когда мужчина молча прошёл внутрь и подошёл к той части шатра, в которой хранились пожитки.

– Горе пришло, – отозвался он со вздохом. – Даже если ждёшь его, всё равно хочется верить, что духи помогут.

– Хм. А если подробнее? – озадачилась я такой формулировкой.

– Кирин умирает, – грустно ответил он. – Бедная девочка.

– Девочка? – ещё больше озадачилась я. «Ожидаемое горе» больше ассоциировалось у меня с умиранием кого-то, кого трудно было назвать девочкой. Скорее уж, бабушкой. – И отчего она умирает?

– Ребёнок, – нехотя пояснил Микар, появляясь из-за занавески с холщовой сумкой через плечо и небольшой палкой, украшенной перьями. – Маленькая она, слабая, нельзя ей было. Но уж очень хотела своему мужчине дитя подарить...

– Так, давай по существу, не ледени мне мозги, – велела я, поднимаясь на ноги. – Что за ребёнок? Роды у вас там сложные, что ли? А целители где?

– Целители не всегда могут помочь, – он пожал плечами. – Здесь – не могут. Здесь – моё дело, помочь ей уйти к духам спокойно.

– Погоди, может, ещё без тебя обойдёмся. Веди, где там ваша умирающая?

Микар глянул на меня как-то странно, недобро, словно хотел послать в далёкое путешествие, но в последний момент сдержался. Несколько мгновений сверлил взглядом, а потом вздохнул и кивнул следовать за ним.

Давящую, гнусную атмосферу близкой смерти и пролитой крови я почувала загодя. Мы ещё только приблизились к нужному месту, а я уже могла сказать, в каком шатре ожидаются похороны, и уверенно двинулась в нужном направлении, обогнав угрюмого Микара. Нырнула за полог; мне никто не препятствовал.

Света внутри было достаточно, чтобы рассмотреть печальную картину во всех деталях. И не смуглого – серо-зелёного здоровенного мужика, сидящего в углу, явно папашу. И худую женщину с серыми волосами, словно окаменевшую, по неподвижному лицу которой сбегали слёзы, срываясь с подбородка. И пару очень хмурых инчиров, мужчину и женщину, которые сидели на коленях возле роженицы; мужчина что-то бормотал, а его напарница – держала страдалицу за руку и молча гладила по волосам. И, наконец, саму без двух минут покойницу, которую уже готовы были провожать в последний путь – бледно-серая, едва дышащая, с залитым потом и слезами лицом. Кажется, ей сейчас хотелось одного: чтобы всё это уже закончилось, хоть как-то.

Мне не препятствовали, когда я подошла и опустилась на колени рядом с несчастной, положила ладонь на живот. Шансов разродиться нормально у девчонки просто не было: она действительно оказалась уж очень худенькой в сравнении со своими сородичами, а ребёнок взял отцовские габариты. И живучесть, кажется, тоже. Не знаю, сколько они тут развлекались до моего прихода, но пока ещё оба были живы.

– Микар, убери всю эту подтанцовку, – резко бросила я вошедшему следом мужчине, доставая нож и спешно закатывая рукава рубахи.

– Зачем? – растерялся он. – Послушай, я...

– Ты решительно настроен спровадить её к духам или я могу попытаться спасти? – оборвала я его.

Несколько мгновений мы мерились взглядами, а потом старейшина коротко кивнул и принялся выпроваживать всех лишних наружу, что-то там рассказывая им про сложные чары и особенных духов, которые не любят посторонних, но постараются помочь Кирин. А он сам обязательно проконтролирует, чтобы они ненароком не навредили. Целители, похоже, просили остаться, муж паниковал и протестовал, мать рыдала; я не обращала внимания. Главное, что Микар благополучно отгонял их от меня, не мешая подготовке.

Исцеляющая сила магии крови надёжна, но в сравнении с более традиционными методиками грязна. Грязна в прямом смысле, поэтому со своей белой рубашкой я уже мысленно попрощалась: даже если сниму, всё равно заляпаю ненароком, я себя знаю. Зато эти чары наиболее эффективны именно вот в таких случаях, когда нужно работать в неподходящих условиях и действовать быстро – или резать, или выжигать какую-то стремительную и смертоносную заразу. Я никогда не любила эту часть собственного дара, и особенно я не любила общаться с пациентами, но – никуда не денешься, есть хотелось, а именно целительство меня кормило.

Впрочем, сейчас от пациентки было меньше всего вреда: пока Микар освобождал шатёр, Кирин успела потерять сознание.

– Не в моём присутствии, – процедила я с угрозой и полоснула себя по запястью: договориться с чужой кровью о чём-то серьёзном можно, только смешав её с собственной.

Нож мало годился в качестве хирургического инструмента, и я с тоской вспомнила свою рабочую сумку, оставленную на побережье. Но зато он был острым, а это в наших обстоятельствах уже немало. Нет, чисто теоретически я способна резать без ножа, просто уговаривая чужую плоть, но это сложно, долго и больше годится для фокусов, чем для работы.

Ничего, как-нибудь справлюсь. Больше полувека практики – не в Бездну плюнуть.

Но влетело в конечном итоге всем.

Сначала я наорала на роженицу, которая, очнувшись и увидев меня с ножом, попыталась паниковать; ей же не объяснишь про обезболивающие и прочие вспомогательные чары, которыми она уже обвешана. Потом на Микара, который при виде моих действий сбледнул с лица и попытался оставить меня без дополнительной пары рук, отлично подходившей для выполнения команд подай-принеси. Потом на папашу, который в неподходящий момент сунул нос в шатёр, привлечённый руганью и голосом своей умирающей жены. Поскольку на слова он среагировал не сразу, а единственный переводчик пытался в это время не упасть в обморок, пришлось запустить в него какой-то глиняной плошкой, благо после целителей их тут осталось изрядно. Плошку понял сразу. Потом ещё и на любопытных целителей, но тут уже очнулся Микар и уговорил их не мешаться.

Потом уже сам старейшина от избытка чувств на всех наорал, когда ребёнок пронзительным, истошным воплем сообщил о том, что он всё-таки выжил, и шатёр едва не снесли взбудораженные свидетели. Кажется, рассерженный Микар был зрелищем редким и достаточно впечатляющим, чтобы вслед за его рывком воцарилась благословенная тишина и покой. Как раз вовремя, чтобы я могла сосредоточиться и выполнить самую сложную часть: залатать дырку.

В общем, типичная операция в полевых условиях. Не могу сказать, что в моей жизни таких было много, но – случилось.

– Помыть. Поспать. Хорошо кормить. Пару дней в постели, – коротко проинструктировала я Микара, поднимаясь на занемевшие в неудобной позе и слегка подрагивающие от усталости ноги. Я, конечно, женщина крепкая, но день выдался уж очень длинный.

– Ей или тебе? – спросил с улыбкой старейшина, поддержав меня под локоть.

– Обеим, – честно ответила я и уточнила с подозрением: – Больше у вас тут никто не умирает вот-прямо-сейчас? Я могу мыться окончательно? Эх, оледенеть, единственная рубашка! – добавила с тоской, разглядывая свой наряд. Бытовые чары хороши, конечно, но кровь – это именно то вещество, которое никакой магией не выводится.

– Нет, со всем прочим справляются наши целители, – успокоил Микар. – А где остальные вещи?

– Откуда бы им взяться? – поморщилась я. – Даже мой меч не нашли!

– А их тебе не передали? Хорошо, я выясню, – заверил старейшина, озабоченно хмурясь. Кажется, пережитое потрясение благотворно сказалось на его мимике. Или, наоборот, разрушительно – на маске? – Иди купайся, я принесу другую одежду.

– Удачи в поисках, – весело пожелала я, выходя из шатра и пропуская внутрь издёрганную родню.

Далеко, правда, уйти не сумела. Буквально через десяток шагов меня нагнал возбуждённо тараторящий папаша, что-то долго говорил – вероятно, благодарил, – а потом и вовсе сгрёб в медвежьи объятья. Ругаться в такой ситуации было бесполезно, проще перетерпеть и постараться пережить. Всё же эти мужики-инчиры исключительно здоровые кабаны, такой придушит – не заметит.

Да и сил на ругань уже не было. Длинный, длинный, длинный и трудный день. Учитывая Ордиэля и Абсерваля утром, я ожидала многого, но это всё же слишком. Единственное, чего мне хотелось сейчас, это смыть с себя кровь, чужую пополам с собственной, и упасть на ровную горизонтальную поверхность. И чтобы полсуток меня никто не трогал.

* * *

Это странно и неожиданно, но мне дали спокойно выспаться. Не случился пожар с наводнением и нашествием хищной саранчи, не явились по мою душу отродья Бездны с Чингаром во главе, и даже случайно никто на меня ничего не ронял. Проснулась я только потому, что выспалась, а теперь лежала, не открывая глаз, и просто наслаждалась моментом. И немного душным, но приятно пахнущим кожей и какими-то травами сумраком спального закутка, и доносящимися снаружи звуками жизни – негромкими, и в этом была их главная прелесть. И, главное, самой этой постелью: шелковистый мягкий мех нежил кожу, и я с удовольствием запускала в него пальцы. На такой шкуре надо разврату предаваться в хорошей компании, а не бессовестно дрыхнуть!

Но увы, компании у меня не было и не предвиделось, оставалось получать чувственные удовольствия в обществе одной только шкуры, и совсем не те, о которых думалось в первую очередь, а просто лежать утром в постели и никуда не спешить. Большинство иналей – ранние пташки, у нас принято вставать с рассветом, а я всегда любила поваляться подольше. Не до полудня, но и не вскакивать спозаранку.

Вот только возможность такая в пору детства и юности выдавалась редко, потому что некоторым иналям свойственно считать, что удобное им – обязательно и правильно для всех. Так что начало самостоятельной жизни я в своё время отметила не загулом, как это часто случается, а ударным «засыпом»: несколько дней самым вопиющим образом ложилась глубокой ночью, а просыпалась среди дня. Потом, конечно, пришлось перестраиваться на нормальный режим, да и надоело, но любовь к неторопливым пробуждениям тогда сформировалась окончательно и осталась со мной навсегда. А сейчас ещё и повод был: я пыталась вспомнить, как добралась до постели.

Вечер сохранился в воспоминаниях обрывками. Например, я помнила, как плелась к источникам. Как раздевалась, уже не помнила, и как мылась тоже, но потом задремавшую меня разбудил Микар. Понукаемая им же, надела предложенные вещи и... Всё. Дальше как отрезало. Видимо, старейшина меня и отнёс, и раздел, и укрыл.

Очень ответственно он подходил к своей роли заботливого отца, даже не по себе от подобного. Ну и малость обидно на общую мировую несправедливость. Всё как у нас: наворотил дел один, отдувается за него другой.

Насладившись размеренным, спокойным пробуждением, я сладко потянулась всем телом и выбралась из уютных объятий постели. Можно было бы полежать и дольше, но от голода уже подводило живот. И так вчера ограничилась одной лепёшкой, а потерянные силы и кровь надо как-то восполнять.

Невзирая на голод, одевалась я всё равно без спешки, внимательно изучая детали наряда. Ничего принципиально нового не нашла, даже нижнее бельё отличалось разве что материалом. Ну и отсутствием у здешних умельцев умения вложить в одежду чары и заставить её красиво облегать фигуру, поэтому местные свободные трусики держались на кокетливых завязках по бокам. Без зеркала сложно было оценить, но у меня сложилось впечатление, что смотрятся они даже привлекательней.

Вернусь домой – продам идею. Если я хоть что-то понимаю в мужчинах, вот такой подход, с верёвочками, они должны оценить. Ходить в этом, конечно, не так удобно, но... кто в таком ходить станет? Ну ладно, здесь – все, и я тоже буду, причём долго, и хорошо, если не до конца жизни. Но в Семилесье? Разве что от шкафа до постели, и то в лучшем случае!

Интересно, а мужские сильно отличаются? Или это и есть мужские, даже детские, потому что найти на меня взрослую женскую одежду среди аборигенов проблематично?

ТЬфу, Бездна! О чём я вообще думаю?!

Раздражённо фыркнув на себя саму, одевание я закончила быстро. Помимо нижнего белья, предлагались удобные и очень мягкие сапожки, больше похожие на носки со шнуровкой, мягкие штанишки из тонкой и очень нежной замши с бахромой по бокам и длинная, до колен, неожиданно пришедшаяся впору рубашка с разрезами сбоку почти до талии, короткими широкими рукавами и шнуровкой у горла. Рубашка из некрашеного полотна была щедро расшита яркими чёрно-бело-голубыми узорами. Смотрелось забавно, а ходить в этом оказалось на удивление удобно. Правда, в сапожках по скалам не набегаешься, но я сегодня не собиралась надолго покидать шатёр, так что собственную крепкую обувь предпочла поберечь.

Полог шатра был отдёрнут, и основное помещение освещали косые солнечные лучи. На столе стоял чайник и две плошки – одна для напитка, вторая с едой. Кажется, это счастье дожидалось именно меня. И, кажется, Микара я уже искренне люблю, до чего же замечательный мужик!

Еда представляла собой смесь какого-то злака, порубленных овощей и кусочков мяса, дурманяще пахла незнакомыми специями и нестерпимо манила, так что меня не остановило даже отсутствие столовых приборов. Я накинулась на предложенный завтрак с жадностью, забрасывая щепотью в рот, с трудом заставляя себя хоть немного жевать небольшие кусочки нежного мяса, а не заглатывать целиком. Ох, видела бы меня в этот момент мать!

Кажется, жизнь среди дикарей будет не лишена маленьких удовольствий: как минимум инчиры умеют вкусно готовить.

Можно сказать, на новом месте я устроилась. Жильё есть, способности мои здесь уже оценили, так что – не пропаду. С речью бы вот ещё разобраться, но над этим вопросом я работаю. Сейчас поем и продолжу, не откладывая на приход льдов. Может, день продолжит радовать и меня не побеспокоят?

Надежда оправдалась лишь отчасти. Когда я уже заканчивала завтрак, в шатёр вернулся его хозяин, нагруженный объёмным свёртком. При виде меня Микар разулыбался.

– Ясного дня, Стевай!

– Стеваль, – поправила я, выделив спорное окончание. – И тебе доброе утро.

– А я разве не так сказал? – озадачился мужчина, уложил принесённые вещи рядом со мной и сел напротив.

– Не совсем, – вздохнула я. Кажется, будет проще привыкнуть к новому имени, чем научить окружающих правильно его произносить. – Что это? – уточнила, сообразив, что предназначался куль мне.

– Вещи на смену, – пояснил Микар. – Одежду перешить успели, а обувь нужно делать заново, придётся пару дней потерпеть. Ну и ещё какие-то мелочи, я не смотрел – женщины собирали для женщины, не дело нос совать.

– Погоди, – запоздало сообразила я и затрясла головой. – Ты хочешь сказать, что вы мне за ночь нашили одежды?

– Почему «за ночь»? День уже к середине, – отмахнулся он. – Да и не шили, просто переделали. Очень уж ты тоненькая, только детские вещи и годятся, а это нехорошо.

– Спасибо, – растерянно проговорила я. – Это... неожиданно. Только мне и отблагодарить нечем.

Он посмотрел на меня в ответ как-то странно, словно не поверил своим ушам или усомнился в серьёзности сказанного. Пару мгновений разглядывал, но потом всё же ответил, пряча улыбку в уголках губ:

– Стевай, ты вчера совершила чудо. Ты спасла жизнь, которую все уже оплакали, с которой простились. Две жизни. Тунгар и Кирин готовы от заката до заката над тобой плащ держать, потому что Кирин и её сын живы. Никакие вещи не могут отплатить сохранённых жизней! Понимаешь?

– Про плащ не очень поняла, а в остальном – да, пожалуй, – ответила я.

Прикормить хорошего целителя при отсутствии собственных – это разумный подход, всецело одобряю.

– Сегодня большой праздник, и такой светлый знак к нему – это очень, очень хорошо, – продолжил Микар. – Мы будем благодарить духов не только за щедрость земли и неба, но и за то, что привели к нам тебя. Вот только... – он замялся, но всё же продолжил: – Теперь трудно будет убедить инчириков, что ты сама – не дух. Твоя необычная наружность и чудеса – это очень сбивает. Даже меня.

– Да, кстати, о духах! – опомнилась я, пропустив мимо ушей последнее замечание старейшины. – Расскажи мне, что это вообще такое? Кто они? А то вчера мне тайюн хватило, и мы так до этого вопроса и не дошли.

– Духи живут везде и во всём, – заговорил Микар уверенно, твёрдо, с напевными интонациями. Кажется, историю эту он уже привык рассказывать, и рассказывал её детям.

Впрочем, иначе как сказку всё это было трудно воспринимать.

Духи делились по силе. Прежде они все жили в этом мире постоянно, но потом сильные ушли в свой, идеальный мир духов, но иногда всё же возвращались, чтобы воплотиться в инчирах, в тайюн, в животных, а порой и вовсе бродили тут сами по себе, невидимые и неосязаемые. Физическое воплощение было сознательным решением такого духа, и обычно они приходили в мир «традиционным» путём, рождаясь. Считалось, что духи так отдыхают от своего бесконечного бытия, а ещё, пройдя воплощение, становятся сильнее.

Почему духи ушли, история умалчивала, потому что «решили оставить мир инчирам» – это не объяснение, а другого не было. То ушли, то – вдруг возвращались. То ушли добровольно и не держат зла на смертных, а то –

воплощаются в злобных тайюн.

С точки зрения инчигов, нашествие последних было именно массовым явлением злых духов, поэтому искать иное объяснение аборигены даже не пытались. Злые и беспощадные духи, которым нравится разрушать; какие ещё нужны подробности? Мне Микар объяснил это тем, что они, как и инчиры, разные, есть хорошие и плохие, и вот плохие как раз пытаются вредить смертным. Сами бы они, конечно, мир инчирам не оставили, но добрые духи вынудили их.

С сильными духами общались мужчины, и делали они это обычно в урату – «сне, который не сон». Истории же с предложением крова и воды и вообще с разговорами с духами наяву были родом из легенд. То есть Микар сам лично ни одного духа живьём не встречал, и никто из его знакомых тоже, но сомнению правдивость сказаний не подвергалась. Кроме урату, реально существовало всего два способа общения с сильными духами: воззвание целителей к духу раненого или больного инчира, помогавшее вылечиться, и собственно борьба с тайюн, в чьём «духовном» происхождении я здорово сомневалась.

Впрочем, нельзя сказать, что женщин в этом смысле обделили или считали ущербными, напротив, очень ценили, и не только как достаточно редкое существо, необходимое для продолжения рода. Потому что, помимо сильных духов, существовали слабые, которые совершенно не слушались мужчин.

Слабые духи олицетворяли у местных стихию, причём любую. Множество этих «младших братьев» танцевало в пламени, резвилось в реках, обитало в земле, и именно женщины их заклинали. Уберечь посевы от огня и града, отогнать насекомых – это было их дело. А ещё договориться с рекой, прекратить землетрясение, да даже просто сделать огнекамень, с помощью которых освещались шатры и готовилась еда, поселив в кусок пустой породы нескольких огненных духов.

Вполне рациональное разделение обязанностей по способностям. Одно только меня смущало: я ни льдинки не понимала в сказанном. То есть слушать это как сказку можно было легко, рассказывал Микар занимательно, но вот разобраться, как всё работает на самом деле, уже не получалось. Проще всего было отмахнуться и посчитать это выдумками, но...

Огнекамень был реален. Осмотрев его, я обнаружила заключённый внутри огонь, но, с моей точки зрения, камень был обыкновенным накопителем. То есть он просто содержал в себе силу и ничего больше делать не мог, никаких плетений и чар я не видела. Однако он умел превращать заключённую внутри магическую силу в свет, достаточно было... попросить. В вольной форме. Хуже того, он даже меня понимал!

- А можно как-нибудь посмотреть на этих духов? Отдельно от предмета. Или они тоже невидимые, как и старшие? Или они всегда рядом, просто именно я их не вижу?

- Они редко показываются, - ответил Микар. - Но сегодня праздник, наверняка не удержатся и явятся. Если хочешь, я покажу: видят их все инчиры, мужчины тоже.

- Да, было бы неплохо.

На том и порешили. Старейшина опять ушёл, его внимания требовала подготовка праздника, а я собралась всё же заняться своими языковыми изысканиями. Но для начала, ведома любопытством, сунула нос в свёрток.

Те женщины, что собирали мне вещи, явно подошли к подбору очень старательно и ответственно, позаботились обо всех мелочах вплоть до белья и украшений. Здесь было несколько ниток бус - из необработанных цветных камней, из глиняных и деревянных шариков с узорами, даже каких-то высушенных ягод и мелких цветных пёрышек. А вот зубов и ногтей не наблюдалось - наверное, считались мужскими украшениями.

И это было... мило. Подобрать другое слово я не могла. Как-то наивно, немного по-детски, но - от чистого сердца и с искренней заботой. Украшения выглядели достаточно нелепо и очень примитивно, особенно в сравнении с ювелирными работами иналей, но вызвали куда меньшее отторжение. Обычно я не ношу украшения: одна из типичных для магов крови особенностей, мы плохо переносим прикосновение к коже того, что никогда не было живым. Оно не обжигает, не наносит реального вреда, но ощущается постоянным холодком, к которому невозможно привыкнуть.

Может, попросить у кого-нибудь сделать бусы только из дерева? Дома мне бы такая мысль и в голову не пришла, а если пришла, то я бы отмахнулась от неё как от безумной. А здесь... наверное, что-то не так у меня с эстетическим вкусом, но местные украшения и вообще одежда пришлись по душе. Да и сама необходимость пожить среди инчиров несколько лет, стоило успокоиться, уже не вызвала отторжения. Всё же я очень легка на подъём и люблю новые впечатления, а то старейшины льдом бы покрылись, уговаривая меня на эту экспедицию. Может, потому и выбор их в итоге пал на меня, а не потому, что я вредная; не так уж я им досаждала.

Но особенно среди подарков мне приглянулся резной деревянный гребень, широкий и редкий. В меру аккуратная вещица не весть какой тонкой работы, однако его было очень приятно держать в руках, просто касаться, гладить – дерево казалось тёплым, живым. В нём ощущались слабые отголоски магии – недостаточные для того, чтобы определить её природу, но привлекающие внимание и явно имеющие светлый оттенок. Использовать гребень по прямому назначению я не собиралась, для этого есть чары, а вот собрать и заколоть волосы, чтобы не мешались – идеально. Именно это я и сделала и вскоре с головой нырнула в изыскания.

Глава 3

Для того чтобы пропустить праздник, я оказалась слишком любопытной. Конечно, была и объективная необходимость взглянуть на местных духов, но я понимала, что ведёт меня в первую очередь желание узнать, как веселятся аборигены. Даже поддалась порыву и воспользовалась подаренными украшениями, превратив пару бус в украшения для волос, которые вплела в косу – единственный доступный мне способ носить подобные вещи. Каждый раз, собираясь куда-то в приличное общество, я думала, что вот эти сложные причёски с вплетёнными драгоценными нитями вошли в обиход иналей с лёгкой руки кого-то из моих братьев по дару. Конечно, я та ещё прекрасная иналь, «общество» тут своеобразное и драгоценности соответствующие, но кое-что женское мне всё-таки не чуждо.

Хорошо, что днём я совершила пару вылазок за пределы шатра, поэтому успела немного морально подготовиться. Дело в том, что после вчерашнего инчиры

стали относиться ко мне совершенно иначе. По-прежнему глазели, но теперь восторженно, как на сошедшее на землю божество. Каждый встречный норовил улыбнуться и поздороваться, по возможности – погладить по плечу или по голове, в зависимости от роста и наглости. Первые пару раз я от неожиданности даже не отреагировала, на третьего по-кошачьи зашипела, четвёртый получил по руке, ещё от пары я просто увернулась – а потом инчиры немного снизили градус восторга или просто поняли, что такое проявление чувств мне неприятно. Впрочем, не обиделись, продолжили улыбаться: мол, что с этих духов возьмёшь. Хотя некоторые всё равно пытались «приласкать», но я была настороже.

Праздник сосредоточился вокруг нескольких больших костров. Кажется, делились инчиры по деревушкам, в которых обитали большую часть года. Во всяком случае, меня Микар проводил в компанию к Траган, и тут же я заметила нескольких знакомых женщин из того же поселения. Подобное общество не слишком радовало, но причина всех злоключений ко мне не подходила, а в остальном было плевать: всё равно я не понимала, о чём они говорят. Сидела в стороне на одной из подушек, прихлёбывала из плошки и наблюдала.

Сначала все просто общались, ели и пили какой-то слабоалкогольный сладкий напиток с медово-ягодным привкусом. Потом появилась музыка – быстрая и неожиданно очень сложная, не просто ритмичный стук барабанов, но целый небольшой оркестр. И песни – многословные, порой речитативные; я не понимала слов, и это придавало их звучанию особенное очарование – голоса, мужской и женский, были просто ещё одним инструментом.

Очень скоро, под одобрительные возгласы и подбадривания, в пляс пустилась какая-то девушка, а вскоре к ней присоединились другие танцоры. Быстрые, простые движения бёдрами, плечами, короткие шаги и взмахи рук – некоторые мои сородичи назвали бы эти танцы непристойными, а по-моему было красиво.

Непонятно как сложившиеся пары вызывали у местных особенное удовольствие и двигались без всякого стеснения – партнёры с удовольствием касались друг друга, прижимались и вообще как будто прямо сейчас были готовы перейти к чему-то гораздо более приятному. Наблюдая за этим, я пришла к выводу, что местные как минимум руководствуются принципом «что естественно – то не безобразно», если предположить в танцорах семейные пары, а как максимум – обладают весьма мягкой моралью, если партнёры не связаны никакими узами.

А ещё, рассматривая инчиров, я сделала неожиданное наблюдение. Здесь почти не было мужчин, имеющих «среднее» телосложение: те подростки, которых я встречала в деревне, к празднику не допускались, а промежуточного звена между ними и огромными мускулистыми воинами, похоже, не существовало. Не считая Микара и ещё пары мужчин, не участвовавших в общем веселье, но это скорее было исключение и, кажется, это были другие старейшины – они держались вместе, о чём-то разговаривая.

Раздумывая о причинах подобного, я сообразила, что не задала ещё один важный вопрос о быте и обычаях инчиров: а почему, собственно, женщины и дети живут отдельно? Может быть, не весь год, но какое-то достаточно продолжительное время – как минимум то, которое наша экспедиция наблюдала за деревней. Положим, понятно, почему именно женщины занимаются возделыванием земли, это особенности местной магии. Но что в это время делают мужчины?

Через некоторое время ритм музыки изменился, стал более резким, агрессивным. Потом стихло пение, остались барабаны и пятиструнный инструмент с корпусом из какого-то почти белого дерева или даже кости. Я не заметила, как и когда в круге остались только мужчины, но танец их теперь куда сильнее напоминал бой. А вскоре и вовсе зазвенела сталь, подпевая гулкому уханью одного большого барабана.

К этому моменту я уже наблюдала не отрываясь, жадно, боясь пропустить хоть одно движение.

Оружие у инчиров было выразительным, грозным – хищно изогнутые остроконечные клинки, чуть расширяющиеся в конце второй трети. Некоторые мужчины ловко управлялись сразу с двумя одинаковыми мечами.

Сейчас я открыто любовалась воинами: да, непривычно крупные, они на первый взгляд казались массивными – но двигались легко, плавно, очень красиво. Эта красота сглаживала грубость и несовершенство лиц, крупные размеры и непривычные пропорции, позволяла не обращать внимания на странно тёмный цвет кожи и забывать резкие, слишком низкие голоса. Да, это не идеальный сплав смертоносной силы и красоты вроде Лераля или даже других, менее совершенных моих сородичей, но... что-то в них было. Не привычные, радующие глаз серебристые барсы, но – по-своему обаятельные и гармоничные медведи. В этот момент верилось, что я скоро привыкну к их странной наружности и даже,

может быть, устрою себе удобную и приятную личную жизнь. Выберу какого-нибудь аборигена помельче и поаккуратнее... Вот, например, вроде этого инчира с набором трофейных когтей, вплетённых в височные косы.

Полюбовавшись вволю и привыкнув к немного непривычному стилю боя, я, впрочем, засомневалась в своём выборе. Судя по всему, перед нами сейчас выступали самые молодые воины – я начала замечать ошибки, которых было немало. Но главное, я обратила внимание на татуировки и отметила закономерность: у сидящих мужчин, включая Чингара, сплошной узор покрывал почти всю верхнюю часть торса и руки до локтей, а у этих, пляшущих сейчас, чернел только на плечах. Да и смотрели остальные мужчины на молодёжь этак покровительственно, как на показывающих себя детей.

По непонятной мне команде воинская пляска оборвалась, инчиры одновременно остановились и опустили руки. Из «зала» раздались одобрителные выкрики, подбадривания, молодые воины разулыбались, довольные похвалами. И в этот момент меня, отвлекая от созерцания, негромко окликнули по имени.

Какой-то мужчина, огромный даже по сравнению с остальными, навис слева, аккуратно удерживая в обеих руках отлично знакомые мне ножны с клинком, и поклонился, демонстрируя желание вернуть мне оружие. Я спешно подскочила на месте и вцепилась в меч. Мужчина от неожиданности разжал лапищи, и я, даже не вслушиваясь, что он пытался сказать – всё равно ни слова не понимала, – потянула меч из ножен, ощущая его недовольство и мельком отмечая глубокие порезы на руках огромного инчира. Правильно, нечего зачатое кровью оружие трогать! Ему ещё повезло, что дурных намерений не было, а то порезами мог и не отделаться...

Отбросив ножны, я перехватила клинок за лезвие, с силой сжала ладонь – и ощутила, как сталь впивается в плоть, рассекая кожу, как в руке становится горячо и влажно, а меч, испив хозяйской крови, успокаивается.

Заклятое кровью оружие – очень особенное, тем более принадлежащее магу моей специальности и моего возраста. За годы жизни в таком мече формируется... наверное, правильнее назвать это душой. Искажённый металлом и магией отпечаток личности хозяина, постепенно обретающий собственную волю и нрав. Несомненно, у моего меча очень скверный характер. Сейчас меч жаловался на чужие грубые лапищи, которые хватали его без спроса, и утешался щедро пролитой хозяйской кровью.

Я чуть повернула лезвие, медленно провела рядом с прежним порезом, прикрыв глаза и ощущая, как пульсирующая в ладони боль мягкими волнами прокатывается до плеча.

Как же я соскучилась! Рабочий нож так не побалуешь, он больше инструмент, а вот меч – да, меч – почти часть тела. Это даже не кровопускание, это просто восстановление кровотока в онемевшей конечности. И – да, ощущение того, как сталь теплеет в руках от крови, ни с чем не сравнить.

Новый оклик заставил меня вздрогнуть от неожиданности и открыть глаза, чтобы с трудом сфокусировать взгляд на стоящем впереди Микаре.

– Стевай, ты в порядке? – встревоженно повторил он.

– Теперь – да, – улыбнулась я. Хотя гримаса явно не успокоила старейшину, она для этого была слишком шальной и почти безумной.

Это маленькая... особенность каждого мага крови, практикующего достаточно долгий срок.

Когда мы только осваиваем свой дар, приходится переступить через себя, чтобы наносить себе раны. Это до слёз обидно, это вызывает жгучую зависть к другим магам, чьи руки не пестрят стыдными и противно зудящими порезами. Это мерзко и, наконец, страшно – каждый день резать себя.

Потом наступает принятие и вместе с ним – равнодушие. Боль становится привычной, её учишься терпеть, с ней сживаешься и срастаешься как с частью себя. Уже не дрожит рука с ножом, уже не кривит губы болезненная гримаса, а порезы заживают почти сами собой: затворить рану, добыв из неё нужное количество драгоценной жидкости, получается рефлекторно.

А потом привыкание переходит в зависимость, и это мгновение начинает приносить удовольствие – когда острая сталь впивается в кожу. Во время работы не до удовольствий, поэтому такой вот заклятый меч – идеальный выход, способ привести в соответствие извращённые, больные желания и пользу.

Впрочем, лично мне ещё повезло с психикой: «накрывает» нечасто и несильно, моё отклонение сосредоточилось на этом самом мече и прикосновениях его клинка. В остальном я вполне нормальна и, хотя умею терпеть боль, никогда не позволю кому-то ещё причинить мне её, так что можно считать всё это милым чудачеством. Некоторым моим собратьям по силе повезло куда меньше, они больны по-настоящему. Я знаю одного поцелованного Алой Девой иналя, который любит боль во всех её проявлениях, и это... страшно. Даже мне. Наверное, мне особенно, потому что, глядя на него, я вижу то, чего посчастливилось избежать, и каждый раз задаю себе вопрос – а посчастливилось ли? Или у меня ещё всё впереди?

Магов крови уважают, ценят, но сторонятся отчасти и по этой причине. Обычному иналю трудно считать вменяемым существо, способное, не поморщившись, резать свои руки. И волей-неволей возникают мысли: если этот маг столь равнодушен к себе, то как он может быть безопасен для окружающих?

Старейшина приблизился ещё, протянул руку, явно намереваясь перехватить мою ладонь, но вовремя остановился, только прожёг меня напряжённым, встревоженным взглядом. Это странно, но он действительно искренне переживал.

А впрочем, что странного? Здесь никто не знает особенностей подобных мне магов и не слышал всяческих рассказов о нас.

– Всё хорошо, – повторила я, успокаивая мужчину, и продемонстрировала ему испачканную кровью, но совершенно здоровую ладонь. – Просто очень обрадовалась.

Кажется, Микар мне не поверил, но продолжать разговор не стал, а потом вовсе отвлёкся на громкий смех пары молодых инчиров, которые оказались поблизости и наблюдали всю эту сцену. И не нужно было знать местный язык, чтобы понять, почему и над чем они засмеялись. Старейшина развернулся к ним, явно намереваясь призвать к порядку, но я не хотела знать, как он станет их успокаивать: подозревала, что выйдет только хуже. Поэтому перехватила меч поудобнее и, обернувшись, окинула обоих весельчаков оценивающим взглядом.

Приняла удобную боевую стойку, сделала приглашающий жест.

– Стевай, не нужно отвечать на подначки бестолковых юнцов, – попытался образумить меня Микар, тем самым лишь укрепив в намерении проверить кого-нибудь из этой парочки на прочность.

Я видела их. Я запомнила их и их ошибки. И я точно знала, что сумею совладать с ними. С обоими разом – только при доле везения, но я всё же надеялась, что приятели не кинутся на хрупкую маленькую меня вдвоём.

Всё же странно ощущать себя миниатюрной, когда всю жизнь привыкала к тому, что не каждый мужчина вокруг выше.

Расчёт оказался верен, моё приглашение они всерьёз не восприняли. Отшутились, отмахнулись, даже попытались потихоньку уйти, уже явно пожалев о том, что связались с припадочной. Но ближайшего из инчиров мне легко удалось заинтересовать уже не раз проверенным способом: шлепком пониже спины.

Под дружный хохот окружающих моя жертва стремительно обернулась, что-то резко сказала. Позади опять попытался воззвать к благоразумию Микар, но я даже не обернулась, у меня было дело поинтереснее.

К чести противника, он не сразу начал отвечать. Пытался осторожно обороняться, даже взывал к моему здравому смыслу. Ему явно было неловко биться с женщиной, и в голове не укладывалось, что можно делать это в полную силу. И некоторое время я пользовалась безнаказанностью, откровенно издеваясь над мальчишкой, награждая его обидными шлепками, ухмылками и подначками. Слов он, конечно, не понимал, но не мог не чувствовать интонацию.

Потом темперамент взял своё, и инчир начал не просто отмахиваться, но пытался выбить у меня оружие, и стало интереснее. Всё же это был молодой воин, а не бесполезный сорняк вроде неразлучной парочки – проклятья капитана Лераля. Очень сильный, достаточно быстрый – ему не хватало техники и опыта, на которых я и выезжала.

Первоначальный скептически-насмешливый настрой юнца пропал. Сначала ему на смену пришли досада и недовольство, потом злость, а потом к ней стало подмешиваться уважение. Выкрики вокруг тоже сменились с насмешливых на подбадривающие. А когда я выбила из рук парня оружие, на мгновение повисла

тишина, которая тут же взорвалась восторженным свистом и улюлюканьем.

Растерянный и озадаченный молодой воин смотрел на меня недоверчиво, явно не понимая, что и как только что произошло, а потом коротко поклонился, непонятным жестом прикрыв ладонью лицо. Я кивнула в ответ и, переводя дух, огляделась.

И даже почти не удивилась, обнаружив, что бой окончился прямо напротив Чингара: мы с достойным лучшего применения постоянством сталкиваемся с ним лбами. Вот и сейчас вождь рассматривал нас, чуть щурясь, а губы его кривила насмешливая улыбка. Такая... выразительная. Обычная его, которая подействовала на меня как искра на сухую солому.

– Ну так что, вождь, может, покажешь, что не зря занимаешь свою должность? – сощурилась я. И с ухмылкой добавила: – Или боишься?

Он ответил легко, снисходительно, чем разозлил меня ещё больше:

– Шайса, поборов детёныша, не стоит пробовать силы со взрослым зверем.

– Может, ты мне это продемонстрируешь? Пока слышу только пустое рычание, – проговорила с демонстративной скукой, поигрывая мечом.

Не дав Чингару ответить, сидевший рядом с ним тип – такой же крупный и густо покрытый татуировками – хохотнул, хлопнув вождя по плечу, и что-то сказал. Наверное, сейчас к лучшему, что я не понимала языка инчиров: боюсь, мне бы сказанное не понравилось. Потому что вождь в ответ досадливо поморщился, но возражать и спорить не стал, только плавно поднялся на ноги. Оружия у него не было, и, похоже, отыскивать его мужчина не собирался.

Я здраво оценивала собственные силы и понимала, что сладить с этим типом без магии не сумею, тем более – в бою. Всё же мне даже с молодым парнем было трудно, а этот... Не верю, что его считают лучшим воином просто так, без веских оснований. Но всё равно не могла не нарываться, не могла это контролировать, как невозможно усилием воли остановить икоту. Злил. Заставлял нарываться и хотеть сделать ему гадость просто так, из любви к искусству.

Я ведь давно не девчонка, я умею держать себя в руках, я даже на провокации уже научилась не вестись – не всегда, но в большинстве случаев. Однако стоило взглянуть на Чингара, и все навыки самоконтроля куда-то пропадали. Его насмешливая, снисходительная ухмылочка злила до кровавой пелены перед глазами, злило это его непонятное «шайса» – ну точно ведь какое-то ругательство, и надо обязательно спросить Микара, что это такое. Вот прямо сегодня!

Ну и, конечно, было любопытно сравнить, насколько он на самом деле лучше.

Некоторое время мы кружили друг вокруг друга в полной тишине. Не оправдалось моё предположение, что Чингар попытается сразу, с шутками и подначиваниями, обезоружить меня, считая безопасной для него или не способной пустить меч в дело. Жалко, это дало бы мне хоть какой-то шанс, а так... Вождь больше не скалился, не насмешничал. Спокойный внимательный взгляд, мягкий кошачий шаг и бездна терпения, которого мне всегда не хватало: даже к шуточной драке с заведомо слабейшим противником Чингар подходил серьёзно.

Пляшущий, неровный свет костра рождал затейливую, прихотливую игру теней, и казалось, что противник мой не движется – перетекает из шага в шаг, порой почти исчезая из вида, словно не живое существо из плоти и крови, а... тот самый дух, о которых так много говорят местные.

Мелькнувшую мысль воспользоваться связью подчинения и победить я с сожалением отогнала. Ради спасения своей жизни или какой-то другой важной цели я бы пошла на подлость не задумываясь, а здесь... ну не стоило оно того. Ведь, если подумать, Чингар не сделал мне ничего плохого, а что выводит из себя одним фактом собственного существования – так это не повод для жестокой мести.

Хотя мысль была очень соблазнительной.

Конечно, первой не выдержала я. Атаковала – не осторожничая, всерьёз, и отсутствие у противника оружия меня не смущало.

Как показала практика, его самого – тоже. Чингар уклонился от нескольких выпадов, несколько отбил ударами ладоней по плоскости клинка и даже не

поморщился. Попытался перехватить меня, когда оказалась на расстоянии вытянутой руки, но я сумела ускользнуть и отшатнуться на безопасное расстояние.

Снова кружение, борьба выдержки. Кажущийся чуть расфокусированным взгляд, который не цепляется за отдельные детали, а охватывает противника целиком.

Опять сшибка, короткая и быстрая, и новая пауза.

На третий раз я сумела достать Чингара. Ну как – достать? Едва заметно чиркнуть кончиком клинка по груди, оставив даже не порез, царапину.

И на этом бой кончился, потому что мужчина прекратил развлекаться.

Я даже не поняла, как это получилось. Вроде бы только что я стояла напротив пригнувшегося Чингара, чуть отставив в сторону руку с мечом, а в следующее мгновение оружие отлетело куда-то в сторону и я оказалась в весьма неудобном положении. Одной рукой вождь удерживал меня за талию, оторвав от земли и прижав к себе спиной, второй ладонью – аккуратно удерживал оба моих запястья, причём размеров его собственной лапищи хватало для этого с лихвой. Больше того, он как-то очень ловко зажал коленями мои лодыжки, так что я даже ногой дрыгнуть не могла. Пару раз дёрнулась на пробу – и замерла, понимая бесполезность сопротивления. Чингар держал осторожно, но крепче кандалов. И почему-то не спешил отпускать.

– Хорошо, шайса, – тихо проговорил он, пощекотав дыханием кончик уха. То нервно дёрнулось в ответ. – Правда хорошо. Но – глупо.

Мужчина ткнулся носом мне в затылок, шумно вдохнул, и от места прикосновения вниз по спине скатилась волна ледяной дрожи. Стало непередаваемо жутко от того, что моё тело, по ощущениям, прижималось к горячей скале – Чингар был не намного мягче. Но, главное, от понимания собственной незащитности. Кажется, никогда в жизни я не ощущала себя такой маленькой и уязвимой.

Зелёна мать, откуда же они берутся такие огромные?!

– Пусти, – выдохнула я: просто не могла говорить громче, чувствовала, что голос позорно сорвётся.

Мгновение вождь словно бы колебался, а потом отпустил мои ноги и, придерживая, позволил соскользнуть по его телу на землю. Ещё несколько секунд постоял, приобнимая за талию и не выпуская рук, – словно давал время собраться и прийти в себя.

– Маленьким девочкам не стоит играть с оружием. Даже если у них неплохо получается, – предсказуемо не удержался от насмешки Чингар и наконец разжал руки. Я поспешно отступила на шаг и обернулась.

– Тебя забыла спросить! – огрызнулась, прижав уши и едва удержавшись от рычания.

– Определённо, – кивнул мужчина.

И опять эта дурацкая усмешка! Нет, всё же в бою он гораздо лучше, чем в остальное время...

– С чего бы это? Боишься, что найдётся такая, которая окажется сильнее?

– Не думаю, – хмыкнул он. – Природа устроила так, что вы слабее. Это не плохо, это правильно, и с этим глупо спорить, – снисходительно пояснил он.

– Ну да, и некоторых мужчин она наградила силой в ущерб уму.

– Судя по тому, что видят мои глаза и слышат уши, некоторым женщинам не досталось ни того ни другого, – парировал Чингар.

– То есть у тебя ещё и с восприятием проблемы? Бедненький, – посочувствовала я.

– К сожалению, нет. Тебя я бы предпочёл не видеть и не слышать.

– Прекрасно, хоть что-то у нас есть общего! – я всплеснула руками. – Вот и не смотри, и мне на глаза лишний раз не показывайся!

– Я пытался, но ты умеешь быть навязчивой, шайса...

– Хватит! – опять возник между нами Микар. – Вы двое можете хотя бы пару мгновений находиться рядом, не скатываясь в свару?

– Мы стараемся не находиться рядом, – огрызнулась я.

– Плохо стараемся, – хмыкнул вождь.

– Хватит! – устало рявкнул старейшина. – Стевай, твой меч лежит у самого огня. Чингар, ты не забыл, что у тебя есть обязанности? Обряд благословения молодых воинов за тебя никто не проведёт.

Обменявшись напоследок злыми взглядами, мы с вождём послушно разошлись в стороны.

Всё же Микар растащил нас как никогда вовремя. Подхватив меч и ножны, я на несколько десятков шагов удалилась от костра, немного остыла и теперь могла это признать.

Чингар довёл меня до той точки кипения, когда я уже готова была не выбирать методов. Ещё пара любезностей, и я непременно вспомнила бы о связи подчинения и воспользовалась ей. А это... неправильно. Нет ничего хуже, чем использовать серьёзную магию в мелких беспредметных склоках. Ладно в первую нашу встречу, я боялась и не знала, чего ждать от местных, поэтому позволила себе лишнего. Но сейчас для этого не было никакого внятного оправдания.

Зелёна мать! Даже старик Войдель, задавшись такой целью и прилагая к её достижению усилия, не мог так быстро вывести меня из себя! Это какая-то внутренняя непереносимость, хроническая, мне достаточно взглянуть на этого инчира, чтобы начать на него злиться. Одна эта его ухмылка мерзкая – и я готова на всё, чтобы её стереть. Я же его если не убью, так покалечу скоро, если это всё не прекратится!

Я шла, не выбирая дороги, и злилась, вымещая гнев на ни в чём не повинных былинках, сшибая головки концом клинка. Злилась больше на себя, чем на

вождя, ведь сейчас именно я к нему полезла.

Ну что меня дёрнуло цепляться к нему с этой дракой? Знала же, что не справлюсь. Предполагала, что лишь дам новый повод для насмешек. Но всё равно сунулась, получила щелчок по носу и в конце устроила безобразную свару. И как всё-таки здорово, что появился Микар...

Нет, Чингар тоже виноват. Вот кто его просил насмешничать? Отпустил бы меня, я бы сама тихо села обратно на ковёр и больше его не цепляла, так нет же, опять надо пройтись по моим способностям. А я привыкла, да, что со мной не всякий мужчина в поединке справится, и перестраиваться тяжело, потому что совсем не хочется! Он понимает это и намеренно провоцирует? Или я у него тоже вызываю неконтролируемый поток гадостей одним своим видом?

Гр-р! Ну вот со льда ли я к нему полезла, а?!

Злость во мне кипела и булькала, не находя выхода, и очень удачно я ушла от стойбища подальше – там бы точно не сдержалась, а здесь срываться не на ком, былинки не в счёт. Не деревья же рубить!

Ноги в этот раз оказались умнее головы, они вынесли меня к небольшому озеру. Оглядевшись и сориентировавшись в пространстве, я поняла, что вышла к тому месту, куда несколькими небольшими водопадами собиралась вода из источников и бежала дальше узкой бурной речушкой. В густой ночной темноте озеро слегка светилось голубым, над ним поднимался пар.

Спустившись к самой воде, я обнаружила, что источником сияния служат какие-то мелкие водоросли, устилавшие каменистое дно. Озеро было тёплым – не таким, как источники, но всё равно. Мне бы сейчас, конечно, куда больше подошло ведро ледяной воды на голову, но ладно. Главное, тут достаточно просторно и глубоко, можно немного поплавать и понырять.

Скинув одежду на камни и положив сверху меч, я рыбкой с берега нырнула в прозрачную глубину. Тёплая вода ласково обняла тело, принимая в себя не только разгорячённую поединками плоть, но и kloкочущую злобу.

Озерцо оказалось в глубину даже больше, чем в длину, до дна я так и не добралась. Но наплескалась вволю, до ломоты в мышцах и звенящей пустоты в

голове, и легла на воду, раскинув руки и ноги.

А потом вдруг осознала, что не одна в озере. И в следующее мгновение кто-то погладил меня по спине.

Шарахнулась в сторону, нахлебалась воды, насилу вынырнула вновь, с горем пополам добралась до ближайшего камня, напряжённо огляделась. Никого. А потом...

– Зелёна мать, – выдохнула я потрясённо.

Из воды собралась крошечная, в две ладони, фигурка – голова, туловище, две руки и две ноги. Немного поднялась над гладью озера, изогнулась и нырнула обратно. В толще воды силуэт угадывался очень смутно: не знала бы, что искать, в жизни бы не заметила.

Существо повторило своё движение, потом ещё раз, и я вдруг сообразила, что оно копирует меня – тот момент, когда я подошла к озеру. И очень похоже копирует.

Пока я отходила от шока, откашливалась от воды и безумно тарасилась на странное явление, к первому существу присоединилось второе, и вскоре у поверхности воды резвилась целая стая совершенно одинаковых неведомых... духов? Это вот так они выглядят?

Пялилась я несколько минут, не шевелясь и пытаюсь поверить собственным глазам. Потом, опомнившись, сосредоточилась на энергетических потоках: хоть я и нестандартный маг, но подобное умеет любой иналь.

И, немного разобравшись в путанице, выругалась ещё раз.

– Зелёна мать! Вы... вы... вы что вообще такое?!

Духи представляли собой заклинания. Сложные составные заклинания с мудрёной схемой подпитки от определённого источника, с чуждыми, но узнаваемыми контурами самообучения – и с мозголомно трудной основной матрицей, в которой я даже не пыталась разобраться.

Резвящимся духам было плевать на моё недоумение. Не знаю, что там говорил Микар про их застенчивость и нежелание показываться на глаза: этих конкретных моё присутствие не смущало. А когда я заставила себя оторваться от камня и поплыть через озеро к тому месту, где лежала одежда, духи даже как будто обрадовались и начали виться вокруг, шаловливо подталкивая в бока, обдавая брызгами.

От одного особенно назойливого я отмахнулась, ладонь прошла сквозь него, разбив на несколько частей. Те мгновение повисели в воздухе, потом собрались в единый шарик – и плюхнулись мне точно на макушку. После чего дух – я отчего-то была уверена, что тот же самый, хотя они ни на первый, ни на энергетический взгляд ничем друг от друга не отличались, – пьяной мухой закружился вокруг моей головы.

В общем, если вот это – ненавязчивые существа, то моя мама – рогатый зверь унис. Причём мужского пола.

Присев на залитый валун, я некоторое время развлекала духов тем, что разбивала пальцами водяные фигурки. Не знаю почему, но их это простое действие приводило в полнейший восторг. К счастью, пристального внимания от меня эта игра не требовала, так что я всю пользовалась возможностью рассмотреть и изучить мелюзгу. По уму стоило бы на них как-то воздействовать, чтобы проверять реакции, но я не рискнула: Бездна знает, как они к такому отнесутся! Вдруг разозлятся? А я даже примерно не представляю, на что они способны, и совершенно беззащитна против них – оборонные чары это, мягко говоря, не моя тема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/kuznecova_dar-ya/epilog-k-koncu-sveta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)